

Ник Перумов
Война мага. Том 4. Конец игры. Часть 2
Серия «Миры Упорядоченного»
Серия «Летописи Разлома», книга 5

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169766
Война мага. Том 4. Конец игры. В 2 частях. Часть 2: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-16577-0, 5-699-17423-0*

Аннотация

Наступает момент истины, когда каждому предстоит решить, зачем он жил и во имя чего способен умереть. Невероятные по мощи силы стягиваются к Утонувшему Крабу, пустынному островку посреди морей Эвиала. Отныне в его небесах, в подземельях великой, выстроенной на нем пирамиды решается судьба миров и всего Упорядоченного. Здесь боги становятся во главе людского воинства, чтобы побеждать, и люди протягивают им руку помощи в беде, здесь хитроумные заклятья разбиваются о крепость воли и любви, здесь смерть отныне – лишь ступень для новой счастливой жизни. Здесь кончается история мага Кэра Лазды, некроманта Неясыти, воина Фесса, так не похожая на сказку, потому что все рассказанное в ней – правда.

Содержание

Глава десятая	4
Глава одиннадцатая	36
Глава двенадцатая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Глава десятая

Ещё тепло, ещё зелены берега и мягки воды широкого в нижнем течении Маэда. Здесь, на юге, куда в былые времена не дотягивалась гибельная длань Смертного Ливня, куда не

дошли пираты с побережий и ещё не успели вытоптать всё козлоногие – могло показаться, что Мельинская Империя высится гордо и несокрушимо во всегдашней мощи.

Считалось, здесь оплот благородного сословия. Землю пашут не свободные общинники, как на севере, а баронские крепостные. Однако стоило Конгрегации выступить, как именно здесь она потерпела первую неудачу – в «малой войне», потому что сервы отнюдь не горели рвением отдавать жизни за обожаемых хозяев.

Сюда отступили легионы Клавдия – в край брошенных замков и самовольно захваченных баронских земель. Мятежники укрепились, как ни странно, на севере, а здесь, в южных землях, большинство простого люда горой стояло за Императора.

Во всяком случае, пока не докатились вести о разрешённых им человеческих жертвоприношениях.

Клавдий не ударил лицом в грязь. Чуть дальше от реки, по гребню холмистой гряды выстроились многочисленные когорты, сверкая начищенным вооружением, под гордо поднятыми знамёнами с коронованным имперским василиском. Начищены легионные орлы, молодцами смотрят, несмотря ни на что, центурионы, буксинщики готовы сыграть торжественную «встречу».

– Мой Император! – Проконсул отсалютовал правителю Мельина, правый кулак Клавдия впечатался в левую сторону его нагрудника, там, где сердце. – С благополучным возвращением, повелитель. Легионы выстроены для смотра.

За спиной Императора со сходен спускалась передовая манипула Серебряных Лат, привычно смыкали круг Вольные, и проконсул Клавдий смотрел прямо в глаза правителю Мельина.

– Мой повелитель, – встретив Императора привычным салютом легионов, Клавдий вдруг опустился на одно колено. – У меня плохие вести, повелитель.

– Что случилось? – отрывисто бросил Император. – Что-то... с Тарвусом?

Право же, догадаться нетрудно.

– Первый легат Тертуллий Крисп, командир Третьего легиона, прислал известие о гибели графа Тарвуса. Его светлость пал от руки наёмного убийцы. Также оказались отравлены все почтовые голуби, Крисп не мог ни с кем снестись. Отправляемые мной птицы погибали в его лагере, Тертуллий подозревает какое-то чародейство, и я с ним согласен. Только сейчас прискакал гонец. Он здесь и готов всё рассказать непосредственно повелителю, если на то последует императорское соизволение.

За спиной правителя Мельина кто-то сдавленно всхлипнул – похоже, не сдержала чувств Сежес. Закалённая и хладнокровная чародейка прекрасно понимала, что такое смерть Тарвуса, одного из немногих нобилей, с самого начала вставшего на сторону Императора.

– Тарвус. Серая Лига. – Император чувствовал вскипающую ярость. – Ты уверен, проконсул? Гонец – можно ли ему доверять? Знакома ли тебе рука Криспа, как он пишет? Может ли кто-то удостоверить, что писал именно он, а не какой-нибудь маг Солея или Гарама?

– Я могу. – Голос Сежес вновь сделался твёрд. – Пусть принесут свиток.

– В мой шатёр! – обернувшись, гаркнул проконсул. – Мой Император, у меня всё готово. Трапеза...

– Скажи мне сперва, проконсул, почему ты не выполнил прямого приказа и не двинулся на соединение с Тарвусом? С каких пор ты перестал исполнять прямые приказы, Клавдий Септий Варрон? – холодно произнёс Император.

– Да потому что, повелитель, никчёмное это дело, – решительно и твёрдо, с прежней солдатской прямоотой ответил Клавдий. – Окажись я вместе с графом, прирезали б нас обоих, и вся недолга. Уйти на восток – значит бросить весь юг, склады, припасы, арсеналы. Куда б тогда вернулся повелитель?

– Ты не исполнил приказ, проконсул. И даже не потрудился объяснить причину.

– Не доверяю я голубям, повелитель. Тем более в таком деле. Вы вот сомневаетесь, а правда ли написана в том свитке, что гонец привёз; ну, так и я тоже усомнился в этом приказе. Нет в нём никакого смысла. Погибельный он. На том стою.

– Поднимись, Клавдий, хватит коленопреклонений. – Император оставался холоден. – Трапеза трапезой, но, сдаётся мне, тебе ещё за многое предстоит ответить.

– А я ответил, повелитель. Это простой легионер обязан, приказ получив, его исполнить, не рассуждая. А если не станут рассуждать первые легаты и консулы, то и войска очень быстро не станет. Вы же, повелитель, нам всё время твердите и твердили.

– Мятеж затеял, проконсул?

– Ни за что, повелитель. Но с юга уходить всё равно нельзя. Мы с Тарвусом, мир его праху, держали баронов с двух сторон, как ухватами. Они и двинуться никуда не могли – другое войско, того и гляди, в спину зайдёт.

– А теперь?

– Теперь, повелитель? Теперь всё понятно. Двигать на Мельин. С полудня мы, с восхода Тар... то есть Тертуллий. Конгрегации останется ни с чем убираться обратно на север. Может, и штурмовать столицу не придётся.

– Если это нам позволят козлоногие.

– Козлоногие, повелитель, что-то встали последнее время. Может, по той причине, что рассказал молодой барон Аастер, может, ещё отчего-то. Мы простые легионеры, не маги. Но вперёд твари пока не лезут. А раз так, надо покончить с тем врагом, с каким можем. Сломаем хребет мятежу – вновь повернём против Разлома.

* * *

Что-то не так, терзался Император, лёжа ночью без сна. Рядом точно так же бодрствовала Тайде, она не смыкала глаз, если не спал её Гвин.

– Клавдий...

– Что-то не так. Что-то случилось, – подхватила Сеамни, точно ждала этих слов. Ароматные волосы шёлковой волной накрыли лицо Императора, губы Дану оказались возле его уха:

– Почему убили Тарвуса? И оставили в живых Клавдия?

– В том числе и для того, чтобы мы задались бы этим вопросом, – так же еле слышно шепнул Император. Близость тёплого тела, нечеловечески гладкая кожа навевали совсем иные мысли, под которые подобный разговор вообще невозможен.

– Вопросом, не изменил ли он?

– Да. Если Серая Лига рискнула выступить на стороне Радуги и баронов, то...

– То почему они действительно не убили обоих сразу? Не нашлось, кого послать? Но вот Сертория-то они достали... А если прикинуть расстояние...

– Клавдий был им нужен. Зачем-то. Живым. – Решительности Императору было не занимать.

– Ты так уверен, Гвин?

– Я ни в чём не уверен теперь, Тайде. Но если Радуга дотянулась до Тарвуса и потом не сделала даже попытки покончить с Клавдием, – это странно.

– Если маги попытаются купить проконсула, они очень погорят на этой сделке, – с непреодолимой уверенностью заявила Сеамни.

– Ты настолько убеждена?

– Да. И не вздумай сомневаться в Варроне, что бы он ни сделал.

* * *

Тревога поднялась на следующий день к вечеру; Император успел побывать во всех легионах, заглянуть в солдатские котлы, не пряча от воинов кровоточащую левую руку. Мол, кровит и кровит, я и в ус не дую, так что и вам нечего беспокоиться.

К восточной армии – теперь уже Тертуллия, не Тарвуса! – помчались спешные гонцы. И крылатые, и верхами. Оказавшемуся во главе войска первому легату предписывалось наступать прямо на Мельин.

Готовились к походу и в лагере Клавдия. Собрана немалая сила; к пяти легионам проконсула добавились Серебряные Латы, лучшие воины Империи и гномий хирд Баламута, едва ли им в чём-то уступающий. Козлоногие стояли; самое время покончить с баронской смутой. Лучше всё-таки иметь только одного врага. Даже если силы и возможности этих врагов несопоставимы.

Клавдий вновь стал прежним. Его неповиновение – показное, если разобраться – Император не забыл. Подобного он не забывал никогда. И такой уж каменно-несокрушимой правоты в отстаиваемой проконсулом позиции правитель Мельина не видел. Да, оставаться здесь имело свои преимущества. Но и объединить две разорванные армии тоже необходимо. К счастью, бароны не в состоянии оказались разбить их по частям.

Но Тарвус, Тарвус! Можно вздохнуть «какая потеря», а можно молчать, сжимая зубы и стараясь отделаться от укоризненного взгляда верного соратника, который теперь навсегда с тобой, и укор его – тоже навсегда.

Не защитил и не уберёг. И не говори «а как же я мог?!». Мог. Отдав другие приказы. Не оправдывай себя и не кайся перед другими – Император всегда прав – только не лги себе и не отшвыривай собственные чувства.

Маги что-то задумали. Что ж, постараемся устроить всё так, чтобы они перехитрили самих себя. Это станет лучшей мстью за графа.

...Кучка козлоногих вдруг сбросила оцепенение и, оставив далеко позади «фронт» вторжения, движется прямо к лагерю Клавдия – принёс известие всё тот же барон Марк Аастер. Пареньку, похоже, несказанно везло на подобное. Прошлый раз своими глазами видел резню детишек, этот – натолкнулся на перешедших Маэд тварей.

– Я распорядился выслать отряд. – Клавдий уверенно-успокоительным жестом вскинул руку. – Повелителю незачем беспокоиться.

– Когда это я не беспокоился и когда посылал других на верную смерть? – возмутился Император. – Задержи наших людей, проконсул. Мы отправимся с ними.

– Я тоже, – тотчас заявила Сеамни.

– Ты? – повернулся Император. – Но это...

Он осёкся, посмотрев в глаза Дану.

– Не стоит сажать меня под замок, повелитель, – дерзко бросила девушка.

Император только скрипнул зубами. Его Тайде отличалась поистине непреклонной волей.

– Хорошо. Но только с моим эскортом. Ни шагу в сторону, понятно? Кер-Тинор, прошу тебя особо позаботиться...

– Повелителю не требуется объяснять мне это, – гордо поклонился Вольный.

– А меня? А я? – возмутилась Сежес. – Мне что, предлагается остаться в лагере и, может, заняться постирушками?..

...Что это, разведка? – недоумевал Император, трясаясь в седле. С левой руки всё так же срывались тяжёлые и тёплые капли, ночь подхватывала их, словно расторопный слуга, поспешно уносила прочь. Бестии Разлома никогда раньше так не действовали. Они просто

валили валом, их не занимали никакие стратегические или, паче того, тактические ухищрения. И тут небольшой отряд, два десятка – что им тут делать, тем более за Маэдом?

Ночь набросила на речные берега лёгкую вуаль первого сумрака; раньше в такие времена добрые люди, закончив дневные дела и затеплив – по достатку – кто лучину, кто единственную свечу, а кто и целую их люстру, садились, брали на колени набегавшихся к вечеру детей и – кто слушал сказку, кто её рассказывал, но все одинаково смотрели на живое пламя и благодарили про себя прошедший день.

Теперь благодарить некого. Да и детей теперь небось прячут по погребам и лесным заимкам.

...Императора окружал привычный эскорт – Вольные, в их кольце – Сеамни и Сежес, Кер-Тинор – подле самого стремени правителя Мельина. Впереди, рассыпавшись, ровной, сберегающей силы коней рысью шли четыре полнокровных турмы конных лучников. Гномы остались в лагере, несмотря на шумное возмущение Баламута.

– Ты уж там поосторожнее, государыня моя, – услышал Император слова, вполголоса сказанные гномом чародейке Сежес. Та ничего не ответила, даже не возмутилась, только молча кивнула.

Выступили. Лагерь остался позади, огни костров, запах наваристой похлёбки – Клавдий выгребал последние запасы, но людей кормил досыта. Войне всё равно предстояло очень скоро закончиться, так ли, иначе, но ещё годы она уже не продлится – если, конечно, козлоногие так и не останутся там же, где сейчас.

– Как они перебрались через реку, барон? – окликнул Император молодого Аастера. – Где ты точно их обнаружил?

– Как раз и обнаружил, когда они реку переплывали, по-собачьи, но быстро, повелитель. – Аастер послал коня ближе к надменно-молчаливому кольцу Вольных. – Вылезли, отряхнулись и дальше. – Юноша помедлил и осторожно добавил: – Может, не стоит вам-то самому, повелитель? С двумя десятками мы бы...

Император только покачал головой. Нет, это он обязан увидеть лично, своими глазами. Козлоногие никогда так себя не вели. Что-то случилось. С ними ли, нет – он обязан выяснить. После взрыва пирамиды правитель Мельина мог надеяться не только на простые человеческие чувства.

Как бы только цена не вышла неподъёмной.

Берега Маэда в нижнем течении густо покрывали селения, покосы спускались к самой воде; почти вся земля распахана, лоскуты лесов сохранены лишь строгими указами прежних императоров, запретивших новые порубки и росчищи под страхом мучительной казни. Конечно, двум десяткам козлоногих есть где укрыться, и на этот случай с преследователями отправилось три дюжины свирепых легионных псов, издавна служивших сторожами при воинских лагерях.

И собаки не подвели, взяв след возле самой реки. Козлоногие направлялись прямо на восток, никуда не сворачивая.

– Что, там для них мёдом намазано, что ли? – вслух удивилась Сежес.

В самом деле, в этой войне ведь нет ни ключевых крепостей, ни важных мостов. Тварей Разлома может остановить только океан, да и то неизвестно, на какой срок.

Кавалерийские турмы растянулись полукольцом, словно при загонной охоте. Сежес, в мужской одежде, придерживала поводья одной рукою, другой водила перед собой, что-то бормотала – время от времени на Императора накатывали тёплые волны, чародейка готовила какое-то заклинание.

– В лес улепетнули, повелитель! – подскавав, крикнул один из псарей. – Во-он туда!

– Не надо туда, – вдруг схватила Императора за плащ Сеамни.

– Брось, Тайде, – улыбнулся правитель. – Мы в таких безднах с тобой побывали – что нам этот лесок?!

Нет, подумал он, я войду туда сам. Если у кого-то и есть шансы справиться с бестиями один на один, так это у меня или Сежес.

Зажатый меж двумя просёлками, острый клин буков и грабов вытянулся с севера на юг, будучи в ширину, наверное, не более двух лиг. Есть где собирать грибы или хворост, но не отсиживаться хоть сколько-нибудь долгое время.

Храбрые псы, удерживаемые поводками, рычали и рвались в бой. След козлоногих, никуда не сворачивая, нырял прямо в подрост, и здесь собаки уже не требовались – на влажной земле остались многочисленные отпечатки раздвоенных копыт, ветки обломаны, листья сбиты.

Псы ярились, а вот кони пугались, Император отдал команду спешиться. Пробираясь по чаще верхами часто вообще невозможно, здесь почищенный и прореженный лес такое бы позволил, но лучше не рисковать.

Выставлены короткие копыя. Люди невольно жались друг к другу – все кавалеристы побывали у Разлома и помнили, что такое атака козлоногих.

Император понимал, что настоящей загонной охоты тут не устроить. Тварей придётся брать грудь на грудь.

...Первыми ринулись бесстрашные собаки, так рванувшись с поводков, что псаря выпустили кожаные ремни. Миг спустя из сгущающейся мглы, из неглубокого овражка прямо на острые копейные наворачия выскочили два десятка уродливых тварей Разлома.

С Императором шли бывалые и тёртые бойцы, совсем недавно сражавшиеся с Семандрой и на Ягодной гряде. Они успели сомкнуть ряды и принять первый, самый страшный натиск вовремя опущенными копьями.

Что-то выкрикнула Сежес, в овраге загудело пламя – чародейка предпочитала не рисковать и пользовалась однажды проверенным средством.

Но и козлоногие кое-чему успели научиться. Они атаковали клином, первые три твари свалились, с разгону насадив себя на копыя, однако следующие пятеро перемахнули через падающих собратьев и в один миг расшвыряли спешенных всадников, не успевших выдернуть древки из насквозь пробитых тел.

Из оврага вынеслось несколько бестий, с головы до ног охваченных огнём; но оставшаяся дюжина смяла первую шеренгу и оказалась лицом к лицу с Вольными.

Император видел, как молодой Аастер с размаху рубанул оказавшегося к нему боком козлоногую, видел, как брызнула тёмная кровь и как тварь, перед тем, как повалиться, так лягнула молодого барона прямо в грудь, что тот отлетел, рухнул и уже не поднялся.

Козлоногие бились поистине «как безумные», не стараясь защитить себя, рвали когтями, били тяжёлыми копытами, с лёгкостью отшвыривая оказавшихся у них на пути; Вольные, несравненные бойцы, не дрогнули и не отступили ни на шаг, однако их кольцо оказалось прорвано в считанные мгновения. Кер-Тинор лихо закрутил головокружительную мельницу парой кривых сабель, так, что сразу от двух тварей полетели в разные стороны кровавые брызги – их, к сожалению, было не убить одним ударом.

Император обнажил собственный меч, закрывая Тайде. Его воины превосходили козлоногих числом, храбрости людям тоже было не занимать, и кольцо сомкнулось вновь, уже вокруг самих тварей Разлома, превратившихся из охотника в добычу; победа близка, Сежес вновь что-то выкрикивает, вскидывает руку – с небес на козлоногих падает огненная сеть; сама чародейка, правда, обессиленно клонится, Сеамни успевает её подхватить, тут же резко размахивается, словно сжимая невидимый клинок; дальнейшего Император не увидел, потому что иссечённая, окровавленная тварь играючи отшвырнула Кер-Тинора и, несмотря на вспоротое горло, выбросила обе лапищи, целясь когтями в голову правителя Мельина.

Император полоснул наотмашь, рядом возник помятый, но не утративший решительности Кер-Тинор, сабли Вольного запели, и рогатая башка слетела с плеч; однако из охваченного пламенем оврага, на бегу пытаясь сбить пламя, выбегали новые твари, и Император понял, что завёл своих людей в ловушку.

Козлоногие дали разведчикам увидеть небольшой отряд, а сами, наверное заранее, укрыли в том же лесу куда большие силы.

Поддерживаемая Сеамни чародейка тем временем сумела выпрямиться, огненные копья вынеслись из оврага, разя козлоногих в спины и пронзая насквозь; но бестий оказалось слишком много и строй защитников Императора рухнул, твари просто разбросали людей в разные стороны. Не меньше трех десятков созданий с опалённой, местами дымящейся шерстью оттеснили Вольных, несмотря на всё их искусство; рядом с правителем Мельина остались только Сеамни, поддерживавшая бесчувственную волшебницу, Кер-Тинор да проконсул Клавдий.

Лес дрожал от криков, гудения пламени, ночная тьма не дерзала вползти под густые кроны, белая перчатка на левой руке разогрелась сама собой. Козлоногие напирали со всех сторон.

– Бежим, повелитель! – Клавдий решительно потащил Императора за собой.

– Нет! Ума лишился, проконсул!..

– Вовсе нет, – лицо Клавдия сделалось совершенно непроницаемым. – Вовсе нет... мой Император.

В левой руке проконсул сжимал недлинную, но увесистую булаву, увенчанную гладким шаром; правитель Мельина и глазом моргнуть не успел, как оружие взлетело и, описав дугу, врезалось аккуратно в боковину императорского шлема.

Не стало мира, не стало боли и света. Ночь наконец-то взяла своё.

* * *

Возвращение в сознание после того, как угостили булавой, – порой ещё неприятнее, чем сам удар. В глазах всё плывет, голова раскалывается от боли и кружится, подступает мерзкая тошнота.

Связанный и обезоруженный, Император лежал лицом вниз в мерно скрипящем возке, уткнувшись в грудку дурнопахнущего тряпья. Доспехи с него, правда, снимать не стали, удовольствовавшись сорванным шлемом. Сбоку рухлядь промокла от крови, сочившейся из левой руки; правитель Мельина заставил себя перевернуться – в небе звёзды, уже прошла добрая половина ночи. Ступают и пофыркивают лошади, а рядом к нему прижалась Тайде, тоже связанная. С другой стороны, там, где натекла кровь, – Сежес; она без чувств.

– Гвин... – Какое ж облегчение в этом выдохе!

– Тайде. Жива, – шепнул он в ответ.

– Здесь маги. Радуга. Ждут нергианцев.

– Что с нашими? Кер-Тинор, остальные?

– Не знаю, Гвин, – всё так же, одними губами. – Нас разделило во время боя. А потом... потом Клавдий ударил сначала тебя, а потом Сежес.

– Клавдий. – Внутри Императора только боль, пустота да бессильная ярость. – Предал-таки. Продал. Видать, Тарвуса купить не смогли...

– Не надо так, – легко, словно дуновение. – Я от своих слов не откажусь. Что бы ни сделал проконсул, не обвиняй его в предательстве.

– А что ж ещё с ним делать!..

– Ничего не делать. Ждать, Гвин, ждать. Сежес они опоили, у тебя забрали белую перчатку, но зато отогнали тварей.

– Как?! Радуга способна приказывать козлоногим?

– Нет, Гвин. Куда им... наверное, опять жертвоприношение. Твари нас словно не видели, метались туда-сюда, резались со всадниками, с Вольными...

– Кер-Тинор – видел, как Клавдий меня... как проконсул предал?

– Нет, – покачала головой Сеамни. – Бестии оттеснили их чуть раньше.

– Эх, Вольные... – только и вырвалось у Императора.

– Не суди строго, – назидательно сказала Сеамни. – Ни один из них не отступил, их просто смели, словно лавиной.

– Ты словно и не в плену сама...

– Я-то? В плену, Гвин, в плену, вместе с тобой, но я верю Клавдию. Понимаешь – верю!

– А я – нет, – скрипнул зубами Император. – Он бы сказал, предупредил... мы разыграли бы «пленение», если на этом настаивали маги, и тогда...

– Оставь, Гвин. Лежи тихо и береги силы. Я чувствую, что ехать нам осталось недолго.

– А что они собрались с нами сделать, ты не чувствуешь?

– Отчего ж нет, конечно, чувствую, – совершенно спокойно ответила Дану. – Принести нас троих в жертву.

– Весело, ничего не скажешь.

– Ничего. Мы ещё увидим, кто посмеётся последним. – Казалось, уверенность Тайде ничто не поколеблет.

Скрипит возок, ныряет по ухабам и рытвинам; не последняя ль это твоя дорога, правитель Мельина?

* * *

– Прекрасная работа, благородный господин Клавдий Септий Варрон. Уже не «проконсул» Клавдий. Правда, пока ещё и не «Император», но за этим дело не станет. Радуга неукоснительно держит данное слово.

– Пока что слово держал я. Привёз вам всех троих. Сам оглушил...

– Да, да, конечно. Но не надо забывать, что именно Радуга вместе с Нергом устроила эту засаду козлоногих. И она же лишила тварей силы, когда дело было сделано.

– Что, все погибли?

– Разумеется, нет! Мы не звери, принесены только совершенно необходимые жертвы, без которых всё это не выглядело бы убедительно. Вы, сударь командующий армией Империи, сейчас же отправитесь назад. Наши лекари нанесут вам несколько ран...

– Что-о?!

– А как вам иначе поверят? Не волнуйтесь, раны будут неглубокими, а благодаря обезболивающему снадобью вы вообще ничего не почувствуете.

– Хотел бы я, чтобы такое появилось у моих легионных лекарей...

– Будьте уверены, господин командующий, появится, и очень скоро. Теперь всё вообще пойдёт на лад, я не сомневаюсь.

– Вы-то не сомневаетесь, господин Фалдар. А вот я...

– И вам не следует, милостивый государь. Присутствовать на жертвоприношении вам вовсе не обязательно, и вообще, уже пора поворачивать назад. Рассвет совсем близок.

* * *

Говорят, отчаяние черно. Неправда. У него цвет и вкус крови. У тех, кого не успели или не сочли нужным сломить.

Император не говорил себе – я выдержу. Если к нему подступить со всем магически-пыточным арсеналом, кто знает, чем кончится дело, как долго сможет сопротивляться плоть. Однако правителя Мельина, преданного собственным проконсулом, никто не собирався ни пытать, ни допрашивать. Пленивших его магов куда больше занимала Сежес – вернее, то, чтобы она как можно дольше оставалась бы без сознания.

А возок всё поскрипывал себе и поскрипывал, лошади равнодушно тащили его по ночной стороне, от деревни к деревне, на север, вдоль вольнотекущего Маэда, то ныряя в глущину предутреннего леса, то вновь выбираясь в поле, под звёзды. Чародеи (а их тут собралось десятка три, не меньше), словно напоказ, не обращали на знатного пленника никакого внимания.

...Остановились, когда на востоке невидимая кисть уже провела блёкло-зелёным по самому горизонту. Река закладывала тут широкий изгиб, с трех сторон обтекая старый расплывшийся курган с дольменом. Маги деловито принялись стаскивать Императора с повозки, ворочая его, словно куль муки. Сеамни яростно зашипела, когда её поволокли следом, попыталась гордо бросить, мол, я сама пойду, однако только получила удар кнутом.

– Заткнись, отродье, – зло посоветовал в ответ волшебник в зелёном плаще Флавиза.

– Эт-то ты зря... – зарычал Император; однако чародей только хмыкнул.

– С тобой, кровопийца, я бы тоже потолковал, будь моя воля. Жаль только, кровь твоя нам нужна для иного. Шагай давай, – и ткнул правителя Мельина в спину кнутовищем.

На вершине холма, возле мшистых камней дольмена, с важным видом застыли пятеро немолодых магов – похоже, именно они заправляли всем действием.

Кое-кого Император узнал. Например, незабвенного Гахлана из Оранжевого Ордена.

– Какая встреча! – Правитель Мельина усмехнулся прямо в лицо старику. – Некогда ты меня лечил, а теперь что, собираешься прирезать?

Адепт Гарамы отвернулся, губы предательски дрогнули.

– Глаза прячешь, Гахлан? Зря, ты был хорошим врачом. Я не забуду этого даже с жертвенным ножом в сердце и не стану тебя проклинать.

– Больно я испугался твоих проклятий, отступник, – буркнул Гахлан, однако взглянуть в глаза Императору так и не решился.

Все, кого тащат на плаху или ведут к жертвеннику, делятся на две очень неравные категории. Первые шагают покорно, потому что «всё уже и так ясно»; такие порой оправдываются перед собою даже в последние мгновения тем, что, мол, своим «спокойствием» они выказали презрение палачам, последним предлагалось очень устыдиться с тем, чтобы в дальнейшем со слезами и раскаянием отказаться от подобной работы. Вторые – их ничтожно мало – даже в кандалах и со связанными руками бросаются на стражников, предпочитая честную солдатскую сталь палаческому топору или, паче того, верёвке висельника.

«Ты так верила в Клавдия...»

Сеамни шла следом, гордо подняв голову. Совершенно спокойная, словно ей предстояло просто потешиться забавным представлением.

Бесчувственную Сежес без всяких церемоний волокли по земле, таща за растрёпанные волосы. Неудобно и непрактично, но, похоже, магам хотелось хотя бы так унижить «предательницу»; очевидно, остальное им запрещал прямой приказ.

Небо медленно зеленело, рассвет готовился вступить в свои права. Сежес грубо швырнули на землю у полузаплывшего дольмена, Император старался стоять прямо, расправив плечи, а Сеамни прижималась к нему.

Чародеи Радуги молчали. Правитель Мельина мог ожидать насмешек, проклятий, злого торжества – а вместо этого мёртвая тишина.

Пятеро старших волшебников чего-то явно ждали.

– Наконец-то, – вырвалось у всё того же Гахлана, когда внутри дольмена мрак сменился неярким серым светом.

Император и Дану воззрились на узкий проход – оттуда один за другим появлялись закутанные в плащи человеческие фигуры, лица скрыты низко надвинутыми капюшонами, рук не видно, подола метут по траве.

Пятеро новоприбывших остановились прямо против пятёрки чародеев Радуги.

– Мы исполнили свою часть, – вполголоса произнёс один из них. Император вгляделся, узнавая: Треор, маг Синего Ордена Солей. Тоже старый знакомец... – Теперь, достопочтенные господа Всебесцветного Нерга, мы ждём, чтобы вы исполнили свою.

– Мы исполним, не сомневайся. – Голос-то какой противный! Словно жаба пытается произносить человеческие слова, изо всех сил растягивая огромный рот. – Положите их перед входом. – Пятеро нергианцев встали кругом возле древних камней.

– Они даже ходят не как люди, – прошептала Сеамни, когда трое магов Радуги, сопя от смешанного с ненавистью усердия, потащили её к дольмену.

Императора толкнули в спину, и он шагнул вперёд.

Что ж, вот он, последний бой. Пусть связаны руки, однако ноги свободны, и сейчас об этом кое-кто очень сильно пожалеет.

– Начнём с неё, – указал на Сежес один из нергианцев. Пятеро адептов Всебесцветного Ордена ничем друг от друга не отличались – ни ростом, ни одеждой, ни даже говором, словно за них всё произносил один и тот же голос. – Но сначала...

Аколиты Нерга составили тесный кружок возле самого входа в дольмен. Раздалось неразборчивое бормотание, и в такт ему серый свет внутри сменился зеленоватым. Сияние разгоралось, оно пробилось сквозь щели меж древними плитами, камни напивались им, в свою очередь источая всё то же гнилостное свечение. Император невольно отшатнулся – холодный свет, казалось, высасывает из всего окрест саму жизнь; попятились и маги Радуги, кто-то – кажется, Гахлан – вскинул было руку, но...

– Всем молчать! – хором прошипели пятеро нергианцев.

Из волн зелёного пламени, забушевавшего на месте дольмена, появилась шестая фигура. Вроде как человеческая, однако она плыла над разом пожухшей травой, не касаясь грешной земли. Огромная голова, тщедушное тело, рук и ног не видно, всё скрыто свободно висящим тёмным плащом.

Сеамни застонала и подалась назад. Кое-кто из магов Радуги поспешил опуститься на колени, другие низко склонились.

Пятёрка старших чародеев Семицветья, наверное, собрала в кулак все силы, чтобы приветствовать новоприбывшего вежливыми, но не подобострастными наклонами головы.

– Всё ли готово? – сварливо осведомилась парящая фигура. Слова человеческого языка давались ему с явным усилием.

– Всё, как и обещано... э-э... величайший, – с явным трудом ответил Треор.

– Так! – удовлетворённо всхрюкнуло существо, окидывая пленников холодным, равнодушным взглядом. – Не станем терять... а-а-а... времени, как это вы называете.

– Тебе страшно, «величайший»? – вдруг с усмешкой проговорила Сеамни. – Ты уже полностью отвык от человеческого тела, тебе ненавистна сама мысль, что слова надо произносить, колебать воздух, вместо обыденной для тебя мыслеречи?

Император, маги Радуги, нергианцы – все в полном изумлении уставились на ту, кого ещё так недавно звали Видящей народа Дану. Все – кроме самого «величайшего». Тень под низким капюшоном полностью скрывала лицо (или что у этого существа имелось вместо него), но правитель Мельина мог сейчас поклясться – могущественный маг Нерга уставился на дерзкую с неподдельным изумлением, переходящим едва ли не в тревогу.

– А, Иммельсторн, – проскрипел он наконец. – Конечно, конечно. Сила Деревянного Меча велика, Видящая. Надеешься на неё и сейчас? Напрасно. Меч покинул тебя, отрёкся от недостойной его носительницы. Очень скоро он окажется в нужных руках, и тогда-то начнётся самое интересное. Но ты этого уже не увидишь, я обещаю.

– Нельзя быть таким самоуверенным, – спокойно бросила ему в лицо Сеамни. – И не стоит думать, что всех на свете можно купить.

– Отчего же? – Кажется, нергианец стал находить в происходящем нечто забавное. – Всегда можно предложить равный обмен. Мы предложили его Клавдию Варрону и не ошиблись. Он продал вас за императорскую корону Мельина...

– Что ж, по крайней мере я рад, что он не продешевил, – сухо бросил Император.

– Ты прав. Варрон не продешевил. И я намерен исполнить обещание.

– Закрывать Разлом и изгнать козлоногих? – усмехнулся Император. – А я-то уже решил, что вы одна шайка-лейка.

Шипение. Так, наверное, усмехалась бы змея, будь она на такое способна.

– Разлом будет закрыт. Мы не заинтересованы в победе козлоногих здесь и сейчас.

– Смотрите, как бы ваш хозяин не разгневался, – словно невзначай бросил Император. Он не мог не заметить, что волшебники Радуги слушают эту перепалку как зачарованные.

– Наш хозяин? Х-ха! Пребывай в этом заблуждении, глупый человек. Развеивать твоё незнание я не собираюсь. Тем более что тебе осталось совсем недолго.

– Да, у вас нет хозяина, – вдруг кивнула Сеамни. – Вы вступаете в договоры и альянсы со всеми, с кем только можно, ведёте двойную и тройную игру и думаете, что сможете остаться над схваткой. А ведь когда-то вы были людьми. Настоящими людьми. Пока не превратили себя... Разлом ведает во что.

– И это всё тебе открыл Деревянный Меч? – недоверчиво переспросил нергианец. Похоже, осведомлённость Дану всерьёз сбила его с толку.

– Считай, что так, – пожала плечами Сеамни. – Но что тебе беспокоиться? Мы ведь все умрём, и очень скоро.

– Да, вы умрёте. А мы получим бесценное знание. У Нерга нет к вам зла, правитель Мельина и его Дану. Нет и к этой чародейке, ей просто не повезло оказаться там, где излилась сила. До внутренних распрей среди Магических Орденов нам дела нет, как и до большинства происходящего в пределах человеческого мира.

– А зачем потребовалось заманивать нас в пирамиду, ты случайно не знаешь? – как можно более небрежно спросил Император, следуя старому правилу – «если тебя затащили на виселицу, требуй, чтобы верёвку намылили как следует и притом самым лучшим мылом, – кто знает, что случится, пока палач будет занят!».

– Твоё любопытство, человеке, поистине неуместно. Особенно перед лицом ждущей тебя судьбы.

– Но всё-таки, а, всеильный маг Нерга? Ведь для такого мудреца и провидца, как ты, дать ответ ничего не стоит!

– Вас заманили в пирамиду именно для того, чтобы вы её взорвали, – ехидно заявил нергианец. – Когда Разлом и его твари вторгнутся в какой-нибудь мир – как тебе известно, миров существует великое множество, – у них есть много способов довести дело до конца. У ваших – и наших, кстати, – врагов всё предусмотрено. Взрыв пирамиды должен был высвободить разрушительную магию. От вашей армии ничего бы не осталось, и солоно пришлось бы многим землям окрест, пусть даже и пустым.

– Но мы остались в живых.

– Да, вы остались в живых. Чем и подарили нам возможность закрыть Разлом. А в живых вы остались только потому, что на тебе, бывший правитель Мельина, была надета белая латная перчатка. Мы знаем и кто носит её пару, знаем, что он вот-вот появится среди

нас; а пока могу сказать, что враг перехитрил сам себя. Перчатка должна была помочь тебе, Император, уничтожить Радугу; после чего Мельин бы пал, причём не понадобился бы никакой Разлом. Однако вмешалась другая сила, – Императору показалось, что в голосе нергианца прорезалась настоящая ненависть, – и первоначальный план козлоногих рухнул. Им пришлось идти по обходному пути, относительно долгому и трудному. Того, кто сумел проваться в их пирамиду, ждала печальная участь, если бы не их же собственный подарок. Этого они никак предусмотреть не могли. Думаю, что и сами не знали.

– Что ж, спасибо за ответ, нергианец, – надменно кивнул Император. – Теперь я умру спокойно.

– Вряд ли вы, люди, на это способны – спокойно умирать, – заявил «величайший». – Впрочем, ты прав. Эти разговоры бессмысленны. Вы перестанете быть, а Разлом закроется. Нерг же получит... однако это вас уж тем более не касается.

Отданный им приказ, наверное, был беззвучным – никто не услышал ни слова, а пятеро младших чародеев Всебесцветного Ордена разом двинулись к Императору, Сеамни и распростёртой Сежес.

«Величайший» не удержался от нелепого и показного трюка – заставил бесчувственную волшебницу воспарить над землёй, головой к нему. По двое аколитов встали справа и слева от чародейки, ещё один – в ногах.

– Если ты веришь... – начал было Император, собираясь закончить словами: «в невиновность Клавдия, неплохо бы ему показать себя», и тут предрассветные сумерки вспорола густая стая свистящих стрел.

Иные нашли цель – маги Радуги падали, кто со стоном, а кто безмолвно; другие – воткнулись в землю, на древках с треском горели фитили, пламя быстро перекинулось на холщовые мешочки, сизый дым с необыкновенной быстротой растекался во все стороны, и уцелевшие чародеи зашлись в приступах жесточайшего кашля, падая на колени и хватаясь за горло.

Смесь сгинувшего патриарха Хеона. «Сбор Сежес», немалые запасы которого так и остались в лагере имперской армии. Да ещё, наверное, что-то из арсеналов Баламута, чтобы дыму побольше и растекался побыстрее.

Аколиты Нерга тоже заперхали и захекали, но на них дым действовал, похоже, лишь вполовину силы. Одному из всебесцветных стрела угодила в плечо, тот зашипел, пошатнулся, но остался на ногах.

– А ты не верил!..

– За мной! – взревел Император, бросаясь прямо на нергианцев.

Невидимые лучники засыпали стрелами склоны холма, стараясь не попасть в самую верхушку с дольменом. Дым волнами поднимался вверх, опрокидывая все природные законы, по земле катались задыхающиеся, враз сделавшиеся совершенно беспомощными маги. Даже нергианцы растерялись. Император отбросил крайнего плечом, попытавшись свободной ногой пнуть «величайшего». Из-под капюшона раздалось хрипкое рычание, сапог правителя Мельина налетел на незримую преграду, однако и нергианца отшвырнуло к дольмену, да так, что маг шмякнулся наземь.

А со всех сторон уже лезли разъярённые legionеры: сверкающие серебром латы, наставленные копыя, обнажённые мечи. Первым возле Императора оказался Кер-Тинор, ворвался смертоносным вихрем двух кружащихся сабель; один из нергианцев рухнул, обезглавленный, однако «величайший», слабо трепыхаясь у входа в дольмен, вдруг приподнял голову – у подоспевшего следом за капитаном Вольных legionера невидимые когти разодрали горло.

На его месте внезапно оказалась другая фигура, в простом имперском доспехе; аколит зашипел, пригнулся, и с рук его сорвался огненный шар, направленный прямо в Импера-

тора, однако легионер оказался расторопнее – прыгнул, закрываясь щитом, и принял удар на себя. Его skutum разлетелся щепками, остатки вспыхнули, воин едва устоял на ногах, пламя перекинулось на тунику, однако боец успел, отбросив наконец бесполезный огрызок щита, ответил выпадом гладиуса, проткнув аколита насквозь.

Ещё двое адептов Нерга погибли, изрубленные Кер-Тинором, однако последний оставшийся втащил «величайшего» внутрь дольмена и успел юркнуть следом. Зеленоватое свечение тотчас погасло, и бросившиеся следом легионеры не нашли внутри ничего, кроме тесной каморки с земляным полом и каменными стенами.

А возле неподвижной Сежес откуда ни возьмись появился Баламут – топор окровавлен – и упал рядом с ней на колени.

– Повелитель... – Кер-Тинор срезал путы с Императора, и руки его тряслись. Впервые Вольный утратил всегдашнюю ледяную невозмутимость.

– Я цел, цел, всё в порядке, – успокаивал Император бледного телохранителя. – Но скажи мне, как...

– Проконсул Клавдий собрал всех нас и повёл сюда, – как нечто само собой разумеющееся сообщил капитан Вольных.

– Как я и говорила, – невозмутимо заметила Сеамни, разминая освобождённые от пут запястья. – Хочу отыскать господина проконсула, сама поблагодарить...

– А чего ж его искать? – искренне удивился Кер-Тинор. – Вот же он!

И Вольный протянул руку, помогая подняться тому самому легионеру, собой закрывшему Императора от пущенного в упор огненного шара.

– Клавдий, – выдохнул правитель Мельина, в упор глядя на спокойно снявшего шлем проконсула.

– В вашей власти, мой Император, – сдержанно поклонился тот. – Знаю, о чём подумали. Да только я не предавал. Впрочем, оправдываться не стану. Скажу лишь, что теперь у вас в руках вся верхушка мятежной Радуги. И прямая дорожка во Всебесцветную башню, если, конечно, госпожа Сежес, когда очнётся, сможет подобрать ключ к замку.

Вокруг них схватка уже закончилась. Самые разумные из магов даже не пытались сплести заклятье или хотя бы бежать. Задыхающиеся, полуослепшие, отчаянно зажмурившиеся, они корчились на траве – а легионеры не забывали бросать в пламя пригоршни такой безобидной на первый взгляд сухой травы. Чародеям на всякий случай деловито вязали руки; хотя каждый, даже самый недалёкий солдат понимал – как только запасы «сбора Сежес» иссякнут, эти несколько десятков опытных магов обратят весь легион в кровавую кашу.

– Спасибо тебе, Клавдий. – Сеамни шагнула к проконсулу, не церемонясь, обняла: – Я знала, что ты придёшь.

– Вам, госпожа, моё обратное спасибо.

– Ты не мог сказать всё сразу, Клавдий Септий Варрон?! – надвинулся Император. Голова его до сих пор помнила молодецкий взмах проконсульской булавы.

– Не мог, повелитель. – Клавдий смотрел прямо и глаз не отводил. – Маги навели такое заклятье, что видели и слышали всё, что бы я ни сказал.

– Славная отговорка, – рыкнул Император.

Проконсул пожал плечами и протянул правителю Мельина свой гладиус – эфесом вперёд.

– Судьба моя в руках повелителя. Хочет – пусть казнит. Но я своё дело сделал. Вся головка волшебническая – вот она, перед нами. Доказано, кто главный враг, кто за всем этим стоял – Нерг, Всебесцветные. Жаль только, не удалось главного их гада живьём взять – ну да шустрый он, другие б в таком месте, как их Орден, и подняться не смогли. А я, повелитель, что я – перед вами. В вашей власти. Прикажете – молча пойду на плаху. Прикажете – буду оправдываться. Пусть вот госпожа Сежес скажет, было на мне заклинание или нет.

Её-то не обманешь. Скажет, мол, не было ничего – тогда и вправду выйдет, что изменил я подло. Врагу предался, а когда увидел, что дело по-другому повернуть может, спешненько обратно переметнулся. Обманул и Вольных, и остальных. Слова не скажу, повелитель, пойду на пытку. Потому что тогда и впрямь...

– А как ты узнал, проконсул, о заклатье? – Сеамни по-прежнему стояла возле него, положив ладонь ему на сгиб локтя. – Маги сказали?

– Сказали. И даже показали, как это будет. Я и шёпотом слова произносил, и писал – всё видели. Уж не знаю, повелитель, как они при таких-то способностях всё-таки нас проворонили?

– Вынесите Сежес из облака, – вместо ответа приказал Император. – Кер-Тинор, бывшего проконсула – под стражу. Глаз не спускать. Когда чародейка придёт в себя – ко мне её, немедленно.

Молчаливый Вольный невозмутимо кивнул. Баламут, наконец-то соизволивший повернуть голову к Императору, поспешно подхватил бесчувственную магичку на руки и потащил вниз по склону холма.

Сам же Клавдий не сопротивлялся, беспрекословно расставшись с кинжалом и коротким засапожным ножом – его он носил ещё со времён, когда простым рорарием¹ шагал в строю первой своей манипулы.

– Не волнуйся, проконсул, всё будет хорошо. – Сеамни погладила его по щеке. На гнев Императора своенравная данка не обращала никакого внимания.

– Повелитель властен в жизни моей или в смерти, – спокойно, не опуская глаз, ответил Клавдий.

– Увести его, – дёрнув щекой, бросил Император.

Трое Вольных не грубо, но решительно шагнули к проконсулу. Тот молча кивнул и безропотно отправился с ними.

– Гвин, – прошептала Сеамни на ухо правителю Мельина. – Смени гнев на милость, мой повелитель. Клавдий не виноват. Разве я тебя не предупреждала?

– Какие будут приказания, мой Император? – подоспел запыхавшийся легат Первого легиона. – Маги пленены, но дым...

– Возвращаемся в лагерь, – бросил правитель Мельина. – Чародеев окуривать всё время, чтобы им не продохнуть было.

– Повелитель!.. О, всемогущий, смилуйся, умоляю! – Деловитые Вольные как раз заканчивали связывать стоявшего на коленях старика Гахлана. Речь чародея то и дело прерывалась приступами мучительного, удушливого кашля. – Всем святым тебя умоляю... памятью... я ведь лечил тебя, повелитель... сколько раз... смилуйся... убери дым... долго мы такого не выдержим!

– Убрать дым – чтобы одно твоё заклатье, оранжевый, ничего не оставило от целого моего легиона?! Ищи дураков в другом месте, Гахлан. И не думай, что я забыл твои благодеяния. Каждого из вас ждёт суд строгий, но справедливый, как говаривали в старину.

¹ Рорарий (рим.) – молодой, необученный и неопытный легионер.

– Я поклянусь... чем угодно... – хрипел и давился старик.

– Радуга поклянётся, а потом так же легко и отречётся от клятвы. Или скажи мне, как сделать так, чтобы ни один из ваших действительно не смог причинить никакого ущерба моим верным слугам, – или дым останется.

– Если он останется... к утру маги начнут умирать сами... безо всякого суда, справедливого или нет!..

– Кто жить захочет, тот не умрёт, – непреклонно отрезал Император. – Я слишком хорошо помню Мельин. И сколько людей погибло, когда вы, маги, наконец опомнились.

– Я был против...

– Разумеется. Впоследствии всегда оказывается, что «вы были против». Или же «только исполняли приказы». Не трать даром дыхание, Гахлан, оно тебе ещё понадобится.

Император повернулся спиной к старику, не обращая внимания на жалкие возгласы, очень быстро сменившиеся неразборчивыми хрипами и булькающим кашлем.

– Мне не доставляет это удовольствия, не думай, – буркнул он укоризненно глядящей Сеамни. – Но как ещё обезопасить моих людей от чародеев, я не ведаю.

– Может, она знает? – Дану кивнула на бледную Сежес; чародейка осторожно, с трудом переставляя негнущиеся ноги, ковыляла к ним, почтительно поддерживаемая под руку Баламутом.

– П-повелитель, – низко поклонилась чародейка. Сморщилась, кашлянула раз-другой, благодарно взглянула на озабоченного и встревоженно-серьёзного гнома.

– Рад видеть тебя в добром здравии, Сежес.

– Да, повелитель, в добром... насколько это только возможно. О-ох! И поедучую же дрянь я собрала... Впервые на себе опробовала.

Сеамни просто улыбнулась чародейке, погладила ту по плечу, словно подругу, и та слабо улыбнулась в ответ, вновь раскашлявшись.

– Выпейте, государыня моя, – забеспокоился Баламут, протягивая открытую фляжку. – Самонаилучший гномояд. Любую отраву выметает, словно метла хорошая.

– Ох, да ну тебя, скажешь тоже... – вяло отмахнулась чародейка, но фляжку всё-таки взяла. – У-ух!.. У тебя там что, абсолютный растворитель?!

– Нет, всего лишь абсолютный гномояд, – ухмыльнулся Баламут, глядя на разом порозовевшую чародейку. – Так-то лучше, государыня моя, а то ровно вампирша были, ей-же-ей!

– Что делать с пленными, Сежес? – повторил Император всё тот же вопрос. – Всё время их окуривать – так никакого сбора не хватит. Тем более что лето кончается, не пополнишь. Вдобавок Гахлан говорит...

– Повелитель, он говорит правду, – серьёзно кивнула волшебница. – Если держать мага Радуги в этом дыму слишком долго, он задохнётся – хотя обычный человек чувствовал бы разве что известное неудобство.

– Так что же делать, проклятье?!

– Только перебить их всех, – едва слышно произнесла Сежес, однако взгляд не опустила.

– А ты, с твоими новыми силами не можешь сделать магию для них недоступной?

– Нет, – покачала головой чародейка. – С каким-нибудь мальчиком второго года я бы справилась. Но с магами...

– Только если они сами откажутся от попытки побега, – вставила Сеамни.

– Х-ха! Никогда такого не будет. Что я, не знаю тех же Гахлана, Треора или Фалдара?!

– И всё-таки я попробую, – решился Император.

Сбитые пинками в одну кучу маги являли самое жалкое зрелище. Окуривавший их дым чуть поредел, но чародеи всё равно заходились в жестоких приступах, ставших лишь немногим менее мучительными. Ни о какой волшбе и речь не шла. Озабоченные легионеры следили, чтобы в костры попадало достаточно заветного «сбора Сежес».

– Слушайте меня, маги Радуги! – громко и отчётливо произнёс Император. Левая рука привычно кровила, и он так же привычно не обращал на это внимания. – Выбора у вас нет. Держать вас в плену бесконечно я не могу. Мне нужно или немедленно вас перевешать... или получить какие-то гарантии, которым я бы поверил. Но прежде – послушайте меня.

Я знаю, как вы остановили козлоногих. Какой ценой и какими мерами. Долго сдерживать тварей Разлома таким образом вы не сможете. Закрыть его так, как предложил вам Нерг? – а вы уверены, что добьётесь успеха? И разве то, что аколиты Всебесцветного Ордена – отнюдь не люди, не внушает вам опасений? Могу сказать – Нерг обещал нам помощь, причём помощь Древних Сил Мельина, уверяя, что, разгромив армию козлоногих, мы сможем избыть Разлом. Это оказалось ложью. Легионы стояли насмерть, но помощь так и не пришла. Нерг преследует свои и только свои цели. Вы для них – такая же разменная монета, как и всё остальное. Мне ведомо, что для вас я – убийца, палач, мясник и так далее; ваше право, но почему же одна из сильнейших среди вас сочла возможным встать на мою сторону? Может, за ней тоже стоит её собственная правда, к которой не мешает прислушаться? Времена изменились. Радуга больше не будет вертеть Империей.

Маги слушали мрачно, то и дело захлёбываясь кашлем.

Нет, на мою сторону они не перейдут, думал Император. Не хватит ума, в отличие от Сежес. И что тогда с ними делать? Все запасы «сена», я так чувствую, мы потратим у Всебесцветной башни, тем более что дым действует на нергианцев куда слабее, чем на чародеев остальных орденов.

– Мы можем воевать бесконечно – пока козлоногие не очнулись от спячки. Их не остановит даже магия крови, и вы это знаете...

– Это... почему же?... – выдавил всё тот же Гахлан.

– Потому что не хватит детишек, – отрезал Император. – Потому что вас в конце концов поднимут на вилы обезумевшие пахари, у которых вы отнимаете детей для «общего дела». И вы только сдерживаете тварей, вы не можете ни закрыть саму пропасть, ни хотя бы загнать туда уже вырвавшихся бестий.

– А как, кха, кха, победа над Нергом поможет бороться с козлоногими? – Гахлан изо всех сил пытался сохранить достойный вид и осанку.

Император знал, что ответа у него нет. Всебесцветные стали врагом, их нельзя оставлять в покое.

– Если вы задумаетесь – откуда у них такая власть над козлоногими? И, если они обладают этой властью, почему не воспользовались ею раньше? Или вы скажете, что твари явились сюда, повинувшись *вашим* командам?

Гахлан хрипел и отплёвывался, остальные маги выглядели не лучше, однако старый чародей продолжал возражать:

– Пока шла война, Всебесцветный Орден всё время изучал чудовищ Разлома. Ничего удивительного, что он достиг известных успехов.

– Тем не менее сделать магию крови ненужной он не смог? – напирал Император. Сейчас даже не так важна логическая безукоризненность доводов, главное – не допустить в голос и каплю неуверенности. – Или вы не видите, что Нерг состоит из *нелюди*? Неважно, изменили его адепты себя сами, были изменены – факт тот, что они отреклись от нас. Или вы забыли слова древнего Императора: «дай нелюди слово, пообещай, убей и забудь, ибо ложь врагу нашего рода оправдана всегда»? Или вы думаете, что люди, став чем-то иным, забудут об этом правиле?

Тут Император вступал на тонкий лёд догадок. Разумеется, ниоткуда не следовало, что Нерг станет относиться к тем, из чьих домов вышли его аколиты, так же, как люди – к эльфам, Дану, гномам, оркам и прочим во время войн за становление Империи. Но маги, привыкшие судить по себе, этому поверят скорее, чем сказкам о прекраснодушии и благородстве.

Нельзя сказать, что «маги задумались», это не так-то просто сделать, катаясь по земле от кашля. Но Гахлан всё-таки нашёл силы сипло прокаркать:

– Что ты хочешь от нас? И что обещаешь?

– Обещаю жизнь, – просто сказал Император. – Вы поняли, кто я. Врагов я уничтожу, даже ценой собственной смерти, но верно служащие Империи будут возвеличены, как вознесена Сежес. Радуга останется. Но никогда, как я сказал, не сможет вертеть Империей. Она будет принимать на обучение всех, благородных и простолюдинов, любого, в ком найдётся искра таланта. Прекратит преследовать «колдующих незаконно», хотя малефиков, творящих зло, я буду строго карать, неважно, принадлежат они к Семицветью или нет. Маги станут жить обычной жизнью. Их доходы сократятся, это так; однако никто не помешает им зарабатывать, помогая людям, так же, как помогают им умелые ремесленники или искусные зодчие. Я могу говорить ещё долго, волшебники, но это не главное. Я предлагаю вам жизнь и справедливость. Хотите – принимайте условия. Нет – вы все будете казнены. У меня тоже нет выбора. Я не оставлю вас в плену навсегда. Ты, Гахлан, знаешь меня с малолетства. Скажи, солгал ли я когда и в чём.

Император взглянул старику прямо в глаза, и тот, не выдержав, отвёл взгляд.

– Я... сдаюсь, – выдохнул он. – Советую вам сделать то же самое, – обернулся он к остальным. – Наша смерть ничего не изменит.

– Разумные слова, – одобрил Император.

– Я... я хочу сказать. – Сежес, ещё нетвёрдо держась на ногах, выпрямилась рядом с Императором. – Послушайте, собратья. Я знаю, вы называете меня предательницей. Но я видела, что такое «аколит Нерга». Я видела стену козлоногих, что валит на легионы и останавливать их нет никакой возможности, кроме магии крови, да и то лишь на время. Император... прав. Мы – маги, мы не сверхлюди, отнюдь не небожители. Мы можем двинуться тропой Нерга... но кто этого захочет? Нет, моё дело – тут, на земле Мельина. Гахлан, мы дрались с тобой рука об руку, сдерживая тех же козлоногих – когда ещё думали, что сможем тем самым остановить вторжение. Не смогли. Так зачем же тебе теперь принимать сторону нелюди, смотрящей на Разлом, как на любопытную забаву? Вам сказали, что смерти – моя, моего и вашего Императора, Сеамни Оэтаканн – закроет Разлом. И вы поверили? Я была в великой пирамиде, я смотрела в пламя взорванного кристалла... нет, наша гибель не поможет. Или вы сомневаетесь в моих словах? Или вы думаете, что я не пожертвовала бы собой, будучи уверена, что моя смерть закроет Разлом и обратит в ничто всех козлоногих тварей?! Гахлан, ты знаешь меня десятки лет. Ответь, лгу ли я сейчас.

Маг Оранжевого Гарама только опустил голову.

– Мой Император не может держать вас в дыму бесконечно, – повторила Сежес слова правителя Мельина. – Ему остаётся либо казнить вас всех, либо получить нечто, позволяющее вам поверить и оставить в живых. Гахлан, ты сказал, что готов прекратить войну. Чем подтвердишь ты свои слова?

– Я готов расстаться с магией, – едва выдавил старый волшебник. – Я чувствую в тебе великую мощь, юная Сежес. Тебя опалило таким огнём, что... твои слово и дело замкнут от меня Силу. Готов помочь советом, подсказать форму заклинания... если тебе это потребуется.

– Преда... кха, кха!.. предатель! – завопила одна из пленных чародеек в синем плаще ордена Солей, заходясь жестоким кашлем. Гахлан только усмехнулся:

– Ты думаешь, я боюсь умереть, Файэти? Ничуть не бывало. Ты это знаешь. Но... кровавое безумие надо остановить. Если Император готов опустить боевой стяг, то я делаю то же самое.

– И поклонись убийце наших детей?! – ещё яростнее выкрикнула волшебница в синем. Сежес потянулась к уху Императора:

– У неё в Мельине погибли двое детей. Подростки, мальчик и девочка. Дрались с когортой Аврамия в Чёрном Городе.

Правитель Мельина молча кивнул.

Мать никогда не примирится с тем, кого считает убийцей её чад. Файэти придётся казнить. Без гнева и ярости, из одной лишь необходимости. И он сделает это сам.

– Что ж, Гахлан, меня обрадовали твои слова. Ты оказал мне услугу, ожидаю от тебя и другой – где мое оружие и... – правитель Мельина помедлил, – и белая перчатка?

...Проклятый дар козлоногих нашёлся на теле одного из аколитов Нерга, так и оставшихся лежать подле опустевшего и угасшего дольмена.

– Итак, маги? – прогремел Император, подвывая поясную суму-зепь с перчаткой. – Кто из вас пойдёт с Гахланом, а кто останется с Файэти? Последнюю, несмотря на всю её смелость, мне придётся убить. Быстро и без мучений, но убить.

Чародейка Солея пошатнулась, по лицу разливалась бледность. Похоже, она до последнего в это не верила.

– Я не отдам тебя палачу, – продолжал Император, шагнув к ней. Кто-то – кажется, Кер-Тинор – подал ему его собственный меч, отнятый при пленении; наверное, успели найти на месте схватки, мельком подумал правитель Мельина. – Я сам возьму твою жизнь.

Сежес, Вольные, Сеамни остались позади. Император шагнул к трясущейся волшебнице – Файэти вдруг упала на колени, а рядом с ней перед Императором распростёрся Гахлан.

– Повелитель! Умоляю, прости её, неразумную. Рассудок её помутился от горя; у неё, изволишь ли видеть...

– Да, я знаю, – кивнул правитель Мельина. – Она лишилась детей. Как и очень, очень многие из моих верноподданных. А очень многие дети лишились отцов, павших в рядах моих легионов.

– Потому что ты начал войну! – Наверное, магу в фиолетовом плаще пришлось собрать всю смелость.

– Потому что я начал войну. – Император потемнел от гнева. – Потому что маги не будут больше пить кровь из моей державы. Для меня это непреложно, как и то, что солнце встаёт каждое утро и закатывается каждый вечер. Империя – для людей и всех, кто уважает её законы. Никто не поставит себя над ними.

– А ты сам?! – Ободрённый ответом, маг Кутула взглянул в глаза правителю Мельина.

– Я лишь установил новые законы, – яростно бросил Император. – Законы, отменяющие привилегии магов Радуги.

Кутулец поспешно потупился, бормоча что-то о милости и снисхождении – гнев в императорском взгляде, казалось, вот-вот испепелит дерзкого.

...Чародеи Радуги сдались. Один за другим они выползали из гасившего их магию облака, под прицелом многочисленных арбалетов и луков подходили к Сежес, что-то говорили ей на ухо – и Император ощущал болезненный толчок, словно волшебница вырывала у него самого сгнивший, саднящий зуб. Что испытывали чародеи Семицветья, догадаться было нетрудно – они со стонами валились, едва отползая в сторону. По лицу Сежес тёк пот, однако движения оставались отточенными и резкими.

Подняли руки все, даже Файэти.

– Ты был прав, Гвин, – шепнула ему на ухо Сеамни. – Не стоило их убивать. Даже тех, кто готов, как та синяя из Солея, ударить тебе в спину, несмотря ни на какие клятвы.

Уже совсем рассвело, когда Император со свитой и пленными вернулся в лагерь. Проконсул Клавдий оставался под стражей.

* * *

– Прошу тебя ещё об одной услуге, Сежес, – сказал Император.

Все те же – он, Сеамни, Баламут, Кер-Тинор, уже упомянутая чародейка Лива, командиры легионов – собрались в большом шатре. – Мне нужна правда о Клавдии.

Легаты и консулы уже знали о случившемся.

– Мой повелитель! – Сципион, командир Второго легиона, по-уставному прижал кулак к латам. – Прошу дозволения сказать...

– Если в защиту Варрона, то не стоит, – сухо отрезал Император. – Все доводы я уже слышал. Клавдий Септий оправдывается тем, что якобы на него было наложено заклинание, позволявшее Радуге видеть всё, что он напишет, и слышать всё, что он скажет. Я никогда не слышал о таком заклинании. К тому же, – он потрогал внушительную шишку, оставленную проконсульской булавой, – я вполне мог бы и отправиться напрямик к Спасителю. Без всяких жертвоприношений.

– Я могу ответить, повелитель, – поднялась Сежес. – Я слыхала о таком заклинании. Но его наложение долго и трудно, требуются редкие ингредиенты, и оно достаточно быстро развеивается. Иначе – да простит мне мой Император эту дерзость! – Семь Орденов не нуждались бы в слежке за вами, повелитель. Достаточно было бы наложить эти чары. Но я могу выяснить.

– Выясни, – кивнул Император. – А пока ты будешь выяснять, вы, господа легаты и консулы, слушайте мою команду. Войско выступает на Мельин. Если бароны покинут столицу, прекрасно. Если нет, оставим заслон и двинемся дальше, на Всебесцветную башню. Надо успеть, пока козлоногие не перекрыли все пути. Выполняйте. Клавдия Септия Варрона привести сюда, – повернулся правитель Мельина к капитану Вольных.

...Проконсул стоял спокойно, твёрдо глядя в глаза Императору. Сежес вывела на полу сложную магическую фигуру, разложила в вершинах, углах и на пересечениях какие-то малоаппетитные ингредиенты заклинания, вроде сушёных лягушачьих лапок и тому подобного.

– Ничего не хочешь сказать напоследок, Варрон? Как ты понимаешь, если Сежес не подтвердит твоих слов...

– Я понимаю, мой Император. Но я и впрямь невиновен. Вернее, виновен в покушении на особу моего повелителя и причинении ему ущерба. Но не в измене. Маги явили мне доказательства – и впрямь читали всё, что я писал, как угодно закрывшись.

– Я понял тебя, Варрон, – сухо ватно ответил Император. – Дальнейшее в руках Сежес. Жди, я вынесу должное решение.

– Не сомневаюсь в справедливости моего Императора. – Клавдий поклонился со сдержанным достоинством. – Хочу лишь понадеяться, что Сежес не допустит ошибки. Когда твоя судьба в руках одного-единственного человека, могущего ошибиться, и чьи слова некому проверить...

Император вскинул подбородок. Клавдий был прав – проверить Сежес некому, её вердикт придётся брать на веру.

– Сейчас, сейчас... – бормотала тем временем Сежес, ползая на коленях по полу, где поправляя линию, где поточнее выставляя чашку с каким-то порошком. Правитель Мельина взглянул на неё – и вдруг ощутил, как волною накатывает дурнота.

Какая разница, предал Клавдий или нет. Какая разница, что творилось у него на душе – в конце концов, что ему мешало дожидаться окончания церемонии, точно так же забросать магов Радуги горящими свёртками с заветным «сбором Сежес», а потом, не церемонясь, скажем, перебить их всех? Легионеры бы это поняли. Как могли, старались спасти повелителя, но – на самую малость опоздали.

Может, всё было так. А может, и нет. Но какая разница, если козлоногие уже заняли добрую половину западных земель, и изгнать их нет никакого средства? Воевать и побеждать надо с теми, кто есть, Император. Идеально чистых и нечеловечески честных поищи в свите

Спасителя. Если тебе предлагают корону, так ли уж легко отказаться честному рубাকে? Тому, кто и впрямь поднялся из самых низов, в отличие от того же Тарвуса, да будем земля ему пухом?

Он мог и дрогнуть, проконсул Клавдий, мог заколебаться. Ты требуешь всего от идущих за тобою, Император, и не прощаешь слабостей. Ты уверен, что любой иной подход окончательно разрушит державу. Но, когда страна на самом краю, разбрасываться головами нельзя. Даже повинными.

Император оглянулся на Сеамни. Тайде исчезающе малый миг всматривалась ему в глаза, а потом чуть заметно кивнула; губы Дану дрогнули, словно она из всех сил старалась сдержать радостную улыбку.

– Оставь, Сежес, – как мог мягко и расположенно сказал Император. – Твоё заклинание не потребуется. Я прощаю проконсулу Клавдию Септию Варрону его вину, неважно, действительную или мнимую. Ну, а за твою булаву, проконсул, не взыщи, расплачусь сам. – Император коротко, без замаха, ударил Клавдия по уху раскрытой ладонью. – Никто не смеет касаться правителя Мельинской Империи и остаться безнаказанным.

Потирая ушибленное место, Клавдий вдруг широко улыбнулся:

– Благодарю, повелитель. Я...

– Слов только не надо лишних, Клавдий, честное слово, – остановил его Император. – У нас хватает легионов, чтобы у тебя срочно нашлось неотложное дело. Командуй, проконсул. У нас впереди Мельин, а потом – Всебесцветная башня.

– Всё понял, мой Император! – молодежато гаркнул проконсул, словно вновь вспомнив дни, когда он командовал всего лишь центурией.

– Я же говорила, Клавдий, – прозвенел голос Сеамни. – Я же говорила, что всё будет хорошо!

– Ты добра и прекрасна, госпожа. – И проконсул отсалютовал всегдашним жестом легионера.

– Разумно ли, повелитель? – шёпотом вздохнула Сежес, когда проконсул широким, уверенным шагом покинул шатёр и его зычный голос, отдававший распоряжение, слышался уже где-то в отдалении. – Ведь может быть...

– Всё знаю, многомудрая волшебница. Но сейчас такой день, что лучше простить виновного, чем казнить, прилюдно огласив его вины. Клавдий мог погубить всех нас. Он этого не сделал.

– Может, следует допросить Вольных? – осторожно предложила чародейка. – Как развивались события, кто действительно отдавал приказы – Клавдий или Кер-Тинор, и...

– Проконсул, по словам Вольного, – ответил Император. – Но, Сежес, сейчас это действительно неважно. Клавдий подставился под огнешар, закрывая меня.

– Повелитель убеждён или пытается себя убедить? – Волшебнице не откажешь в проницательности.

– Пытаюсь убедить, – честно ответил правитель Мельина. – Буду осторожен. Кер-Тинору и Вольным придётся попотеть. А пока – на столицу! Хватит там баловать баронам. Я двинулся бы прямо на Всебесцветную башню, но у Конгрегации хватит дурости ударить нам в спину. А так – Мельин, затем Гунберг, Остраг и дальше через Суболичью пустошь Полночным трактом, обогнём Даддрроунтгот, прости, Сеамни, я знаю, что произношу его имя неправильно, – а там и оплот Нерга.

– Бароны укрепились в Хвалине, – заметил первый легат Публий, командир Одиннадцатого легиона. – Опираясь также на Ежелин, они могут навалиться на нас на левый фланг.

– Вот именно поэтому нам и нужна армия графа Тар... легата Тертуллия Криспа. По меньшей мере двумя легионами мы надавим вдоль тракта из Арсинума на Ежелин. Это свяжет Конгрегации руки.

– Повелитель считает, что для штурма башни Нерга потребуется восемь легионов? – осторожно спросил новый командир Шестого легиона, Тарквиний Бесс, занявший место погибшего Гая.

– Надеюсь обойтись несколькими десятками воинов, – отозвался правитель Мельина. Слушатели дружно рассмеялись – слова Императора сочли удачной шуткой.

Император позволил себе лёгкую усмешку. Они не понимают. Он без колебаний положил бы все легионы под этой проклятой башней и сам бы лёг с ними, если б только знал, что это действительно спасёт людей и державу. А так – придётся гадать. Ведь нет никаких доказательств, что Нерг *управляет* вторжением козлоногих. Нет, они явно не союзники, всебесцветным никак не нужна победа козлоногих. Но им не нужна также и победа Императора. А нужен им хаос – если, конечно, смерти его, Тайде и Сежес и в самом деле не способны закрыть Разлом.

Как бы то ни было, пока Радуга сдерживает козлоногих – чудовищной ценой, но сдерживает! – он, Император, обязан сделать так, чтобы у Империи остался только один враг.

– Легионам – марш!..

* * *

Железные змеи ползли на север. Мельинское лето кончалось, уступая место золотой и тёплой осени. Козлоногие вяло шевелились за чертой, иногда продвигались вперёд то тут, то там, но прорываться то ли не торопились, то ли и впрямь действовала магия Радуги. Бароны бездарно теряли время; нового предводителя Конгрегации избрать так и не удалось.

Сдавшиеся чародеи держались по-разному. Кто-то просто мрачно шагал, затравленно озираясь и, похоже, всё время ожидая скорой расправы; кто-то начал робко улыбаться, осторожно осведомляясь, что нужно сделать, чтобы «вернуть расположение повелителя». Но только один волшебник, а именно Гахлан, из кожи вон лез, чтобы действительно вернуть оное «расположение».

Старый маг Оранжевого Ордена очень старался доказать свою полезность и искренность. Мол, он всегда был против этой войны и тщился с самого начала уговорить остальных пойти на примирение с Императором, поступившись своей непререкаемой властью; и не его вина, что чужие упрямство с твердолобостью не дали сим благородным намерениям воплотиться в жизнь.

Гахлан рассказал немало интересного о Нерге и жертвоприношениях: оказалось, что заклатья, коими так гордились остальные Ордена, Радуга получила из рук всебесцветных, изменив лишь самую малость.

– Что им надо, нергианцам? – спрашивал Император, едуци стремя в стремя со старым чародеем. – Гибели Мельина? Закрытия Разлома? Ты понял, маг?

– Повелитель, твой недостойный слуга неустанно размышлял и размышляет на ту же тему. Мне кажется – хотя доказать это я не сумею, – что Нерг ищет способ подчинить Разлом. Не победить, не сдать ему Мельин – а именно подчинить. То же жертвоприношение, жертвой чего едва не стал повелитель... – Гахлан потупился, мол, стыд за содеянное не устанет терзать меня до самой смерти. – Нам пришлось поверить Нергу на слово. Ведь магические демонстрации – это именно демонстрации, ничего больше. Но мы поверили, повелитель. Я не снимаю с себя вины и не пытаюсь оправдаться...

По мнению Императора и судя по выражению лица Тайде, Гахлан пытался проделать именно это.

– ...однако строгих доказательств, что подобное... действо и впрямь поможет избыть сие бедствие, нам, Радуге, представлено так и не было, – продолжал старый маг. – Мы пове-

рили, потому что очень хотели поверить. Ведь это так легко – переложить ответственность на других, в данном случае – на Всебесцветный Орден.

– Так ты думаешь, что оное жертвоприношение помогло бы Нергу получить бóльшую власть над Разломом и его тварями?

– У меня пока нет лучшего объяснения, повелитель. Ведь судя по тому, что говорили нам всебесцветные, взрыв того кристалла в пирамиде и вбирание повелителем высвободившейся силы и впрямь создали некую загадочную связь между ним и проклятой бездной. Но вот что сделает с Разломом смерть повелителя – я, недостойный, сказать не в силах.

– Ничего не сделает, – раздражённо бросила Сежес. – Хватит болтать ерунду, Гахлан. Я не вижу иного способа, кроме как взять в плен и допросить с пристрастием верхушку Нерга.

– При условии, что они скажут правду, достославная. – Гахлан не забывал кланяться.

– Скажут-скажут, – процедила сквозь зубы чародейка. – Пусть они превратили себя невесту во что, но боли эти создания боятся, как и мы, простые смертные.

– Для начала их ещё надо пленить, – вступила в разговор Сеамни. – Вспомните тот дольмен. Похоже, верхушка Нерга вполне способна переноситься с места на место, открыв секрет древней магии тех мест.

– А что с нашими драконами, Гахлан? – спросила Сежес. – Когда я... уходила, Кутул и Солей как раз пытались навести там порядок.

– Ничего не получилось, – развёл руками маг Оранжевого Ордена. – Драконы все словно взбесились, и чем ближе подходили козлоногие, тем хуже всё становилось. Химмиради наложила на них сонные чары, до лучших времён, если они, конечно, наступят.

– Химмиради? Из Флавиза?

– Да, достославная.

– А остальные чудовища? Авлары, вампиры, оборотни? Всё прочее?

– Очень многое погибло вместе с Красным Арком, – вздохнул Гахлан. – Ещё немало, как известно достославной, мы потеряли вместе с главной башней Кутула.

– Но как же Флавиз и Солей? Они тоже имели внушительные арсеналы!

– Достославная... ты же понимаешь, что значит выпустить чудовищ, натравив их не на Дану или гномов с орками, но на людей!

– Управляющие чары слабели. – Сежес повернулась к Императору: – Радуга всегда уделяла много внимания подобным бестиям, надеясь обеспечить безопасность; но, когда пришло время, способные отдать правильные распоряжения маги оказались вместе со мной, лицом к лицу с козлоногими, а мальчишки-неофиты сплеховали. Тем не менее надо учитывать – кое-что у Радуги могло остаться, и сейчас это бросят против нас. Возможно. Не так много, как могли, но и это... доставит известные неудобства. В первую очередь, конечно, следует ждать оборотней и вампиров.

Император промолчал. Он представил себе резню возле башни Кутула, если бы защитники той выпустили на легионы орду верволков и упырей.

– Магия Радуги тоже слабела, но Семь... то есть Шесть Орден не желали признаться себе в этом, – покаянно кивнул Гахлан. – Каюсь, я тоже приложил тут руку.

– Вот почему на Ягодной гряде маги пытались остановить легионеров обычными средствами, – пояснила Сежес.

– Благодарение всем великим силам, – уронил Император. – Много верных слуг державы и её храбрых воинов остались из-за этого в живых.

– Но много молодых нобилей и погибло, – осторожно заметил Гахлан. – Они тоже могли бы стать верными слугами...

– Да, как же! – фыркнула Сежес. – Я их знала. Очень многих. Баронская чушь слишком сильно головы заполнила. Без кровопускания бы не поумнели.

– Это достаточно резкое высказывание, достославная, и я...

– Хватит, – поднял руку Император. – Гахлан, что станет делать Радуга, потерпев неудачу с жертвоприношением и с попыткой купить Клавдия?

– Обратится к Серой Лиге, это прежде всего. – Старый маг не помешкал с ответом. – Доблестного проконсула – уничтожить, вас, повелитель, госпожу Оэтаканн и достославную Сежес – пленить. Правда, Шесть Орденов потеряли верхушку, самых опытных и бывалых чародеев, остались командоры и средние поколения. Но я бы сейчас опасался прежде всего серых. Ещё могут пригрозить ультиматумом, мол, или вы сдаётесь, или мы открываем дорогу козлоногим. Вас они сожрут, а мы опять отгородимся детишками и баронским войском.

– Значит, баронское войско должно перестать существовать, – холодно резюмировал Император. Сежес и Гахлан переглянулись, Сеамни поймала взор своего Гвина, в глазах Дану плескалась тревога: она знала, что значит этот тон правителя Мельина – Император пойдёт к цели, несмотря ни на что.

...Предсказания Гахлана стали сбываться с неприятной точностью.

Вольные лишний раз показали себя, в одну из ночей перехватив убийцу из Серой Лиги. Тот успел взять одну жизнь, но в руки имперских дознавателей попал живым – невероятная удача.

...Невысокий, щуплый, но жилистый, воин Лиги висел на дыбе, и палачи неторопливо, так, чтобы ему всё было видно, разводили огонь в жаровне, раскладывая на кожаных покрывалах устрашающего вида инструменты. Император, Сежес, Тайде и Гахлан пришли вместе.

– Ты будешь говорить? – устало осведомился Император. – Мне недосуг играть с тобой в игры. «Да» – жизнь и свобода, «нет» – медленная и мучительная смерть.

Незадачливый убийца тяжело дышал, не в силах отвести взгляд от жаровни и калящих крюков. Слабак, подумал Император, невольно вспоминая так и оставшегося в Эвиале Фесса. Из самого отребья. Хеон таких держал для самых грязных дел, использовать один раз, а дальнейшее уже не важно.

– Говори и не бойся, – подбодрила убийцу Сежес. – Лиги, той, что мы знали, больше нет. Есть лишь горстка отщепенцев, прозавшихся «новыми патриархами». Старые-то, настоящие патриархи все давно на юге, за морем. Вот они бы да, за неисполнение приказа живьём содрали бы с тебя кожу и сварили то, что осталось, на медленном огне, чтобы умер не сразу. А эта шваль... чего её бояться?

Человек судорожно сглотнул.

– Воды, – прохрипел он. – Дайте воды. Я... буду говорить.

– Измельчала Лига, – делано вздохнул Гахлан.

...Взамен жизни, свободы и золота (куда ж без него!), мигом забыв о кодексе Серых, убийца поведал немало интересного. Да, ни один из старых патриархов не присоединился к Конгрегации. Радуга не оставляет надежды захватить Императора живьём; в среде же баронов продолжаютя распри. После гибели графа Тарвуса мятежники было возликовали, однако решительное движение легионов на север, прямоком к Мельину, вызвало панику. Нобили грызутся с магами, все норовят свалить вину друг на друга, и никто не знает, что делать дальше: слишком свежа память о Ягодной гряде. Надежды возлагаются на Всебесцветный Орден, куда чуть ли не каждый день шлются слёзные мольбы о помощи. Поступают ли ответы, убийца не знал.

– Всё, как ты и предсказывал, Гахлан, – заметил Император, проводив взглядом отпущенного ассасина, что горячил коня, гоня его на юг, к взморью.

– Рад оказаться полезным повелителю, – поклонился чародей.

– А почему Радуга не может сплести одно-единственное заклятье, которое, скажем, лишит меня на время разума и отдаст в руки магов?

– Такие чары, увы, – то есть к счастью, к счастью, конечно же! – сейчас уже не сплести, – торопливо ответил Гахлан. – Ещё после первой битвы с козлоногими, в коей и я, недостойный, принял малое участие, многими опытными магами было замечено, что самые сложные заклинания стали плестись с куда бóльшими сложностями. А когда появился Разлом... наш арсенал съёжился до примитивного стихийного чародейства. Ведь достопочтенная Сежес тоже не смогла доставить повелителю голову барона Брагги?

– Хм! – фыркнула Сежес, задирая подбородок.

– А Нерг? Если я ему так нужен, а чары этого Ордена настолько отличны от остальной Радуги...

– Повелитель, – решительно вступила Сеамни. – Если бы всебесцветные могли это сделать, они бы не преминули. Раз не сделали, значит, не могут.

– Или ждут момента, – елеинным голосом вставил Гахлан.

– Как бы то ни было, – потемнел Император. – Сперва Мельин. Затем – башня Нерга!

...Последнее из предсказаний Оранжевого мага сбылось, когда кавалерийская турма, шедшая в авангарде, привела очередных послов Семицветья.

Пятеро женщин, на вид – чуть постарше Сежес, от всех оставшихся орденов, кроме Кутула.

– Это наше последнее слово, сын Императора, – начала чародейка в синем плаще. – Мы сдерживаем козлоногих, но наше терпение иссякло. Или ты прекращаешь эту бессмысленную войну, или мы открываем дорогу орде.

– Всё, как и говорил Гахлан. – Правитель Мельина наклонился к уху Сеамни.

– Не всё, – одними губами ответила Тайде. – Пока что они не требуют наших голов.

– Мы уже дрались с этой ордой, – надменно произнёс Император вслух. – Я желаю услышать что-то новое, чародейки, или же вас проводят из лагеря.

Возле каждой из волшебниц застыло по трое Вольных, острия кинжалов возле их шей. Перед Императором – заслон из щитоносцев Первого легиона, мрачных и решительных. Второй ряд – арбалетчики, оголовки стрел смотрят прямо в лица чародейкам.

– Новое? Новым, сын Императора, станет разве что предложение Радуги, чтобы ты поступил подобно великим правителям прошлого, – напыщенно произнесла волшебница Синего Ордена Солей. – Чтобы ты пожертвовал собой ради спасения нашего мира. Но ожидать от тебя подобного с нашей стороны было бы преступно самонадеянно...

– У меня есть встречное предложение, – ровно ответил Император. – Мятежная часть Шести Орденов разрывает союз с баронской Конгрегацией, приносит покаяние и платит выкуп. После чего, оставив заложников, присоединяется к нам. Вашему чародейству найдётся достойное применение.

– Что я говорила, подруги? – Синяя волшебница оглядела спутниц. – Он ни на что не пригоден.

– Не смей оскорблять повелителя, – прорычал Клавдий, до половины выдвигая меч из ножен. – А то я могу и забыть о неприкосновенности послов!

– А ты, дважды предатель, молчи! – ощерилась синяя.

– Прекратить! – бросил Император. – Проконсул Клавдий никого не предавал. Если же тебе больше нечего сказать, колдунья, и твоё посольство окончено, – Кер-Тинор!..

– Нет, нет! – поспешно возразила та, безропотно проглотив оскорбление – «колдуньями» раньше называли исключительно ведуний «из народа», занятых «незаконной волшебной», за которую, как известно, полагалась смертная казнь. – Мы не хотим больше распрей. Мы предлагаем перемирие. Радуга и дальше сдерживает козлоногих, а Император и Конгрегация подписывают мир.

– Вот даже как? – Правитель Мельина поднял бровь. – И что же должен содержать такой договор?

– Вольности и неотчуждаемые права благородного сословия, – отчеканила магичка. – Воссоздание полноправной Ассамблеи Нобилей, неподверженность дворянства имперскому суду, должность коннетабля вместо нынешнего проконсулата, а также...

– Достаточно. – Император спокойно оборвал говорившую. – Можешь не продолжать. Я на это никогда не пойду. Да и вообще, почему Радуга говорит от имени мятежных баронов? Я готов обсудить с тобой судьбу оставшихся Шести Орденов, никак не Конгрегации!

– Судьба Радуги неотделима от участи благородных!

– Чушь, – по-прежнему ровно заметил Император. – Судьба у каждого своя, и с кем её делить – он или она решает сам. Иные маги, например, не сочли возможным делить судьбу с Радугой, я их очень хорошо понимаю.

– Неразумно правителю такой державы опираться на предателей, – высокомерно бросила чародейка.

– Ты, Шённес, кажется, забыла, как ползала передо мной на коленях и сдавала своих товарищей по, гм, тогдашним шалостям, – не выдержала Сежес. – Ты вымолила прощение, а Каррем, Мейтона и Веммити отравились... гм, куда следует.

Чародейка в синем плаще высокомерно проигнорировала слова бывшей волшебницы Голубого Лива.

– У тебя нет выбора, сын Императора, – вновь повторила она. – Или ты садишься за стол переговоров, или мы открываем дорогу козлоногим.

– Отчего ж и не сесть? – пожал плечами Император. – Я направлю своих трибунов, облечённых соответствующими полномочиями.

– А до этого твои легионы останутся на месте! – тотчас выпалила Шённес.

– Ну уж нет, – усмехнулся Император. – Мои легионы остановятся там, где я этого пожелаю, колдунья.

– Тогда – никаких уступок! – яростно выкрикнула та, теряя терпение.

– Мне не нужны твои уступки. – Правитель Мельина твёрдо взглянул Шённес прямо в глаза: – Мне нужен мир в моей державе и навечно закрытый Разлом. И я добьюсь этого. Любой ценой. Ты поняла, волшебница? Любой ценой.

...Посольство отбыло, пригрозив ещё раз, что «жертвоприношения прекращаются», а «сила Нерга» якобы поможет «направить козлоногих тварей на непокорные легионы».

– Едва ли это было разумно, повелитель, – осторожно заметила Сежес, обменявшись взглядами с Баламутом. – Мне кажется, стоило бы вступить в переговоры, выиграть время...

– Мы бы ничего не выиграли, стоя на месте, – убеждённо возразил проконсул Клавдий. – Надо брать Мельин и башню Нерга. А если козлоногие хлынут дальше... не знаю, повелитель. Кишка тонка у магов с эдаким огнём играть, да простится мне это легионное. Не рискнут. Может, в крайнем случае постараются напугать. Они ж за свои шкуры дрожат – любому видно! Слово худой новобранец перед первым боем.

– Согласен, проконсул, – кивнул Император. – Легионам – марш!..

* * *

Далеко на запад от реки Маэд, за Разломом, за линией пирамид, на плоском холме на воткнутых в землю копьях развевались флаги, длинные синие и золотистые вымпелы эльфов, рядом с ними – широкие и короткие штандарты гномов.

Аррис и Ульвейн молча наблюдали, как Арбаз давал волю гневу – рычал, бранился сразу на нескольких языках и топал ногами. Врученный Хедином кристалл силы потрескался, однако врата так и не открылись. Магия Разлома осильнела, козлоногие даже и не думали отступать, несмотря на погашенные отрядом Арриса и Ульвейна пирамиды. Видать, мало их выжгли, слишком мало, остальные приняли удар на себя.

В мельинскую ловушку угодил ещё один отряд Познавшего Тьму. Отряд, который никак не имел на это права.

– Не печалься, брат. – Аррис осторожно коснулся изукрашенного рунами гномьего наплечника. – Будем стоять, пока хватит сил. Мы стянули на себя, наверное, всех здешних козлоногих. Людям на востоке стало легче.

– Сейчас-то им-то стало. – Поток брани на миг прекратился. – А вот что потом с ними сделается, когда мы все тут поляжем? Что с гарратом будет без наших бомбард?! Он строго-настрого наказал вас выручить и вернуться!

– Вернёмся, – вдруг сказал Ульвейн. – Кристалл потрескался, но ведь запас его никуда не делся. Надо только подобрать правильное заклинание. Если нельзя пробить стену тараном, то, быть может, удастся сделать подкоп? Аррис, Арбаз – удержите тварей? Нужно, чтобы они лезли как следует – и помирали бы тоже во множестве.

– Гм. Магия Смерти? – поднял бровь Аррис.

– Да. Удивляюсь собственной тупости, только сейчас додумался. – Ульвейн со стыдом покачал головой, шелковистые волосы мотнулись из стороны в сторону. – Как мы не заметили? Они же стали говорить. Выть, орать, вопить, реветь. Значит, что-то испытывают, что-то чувствуют, уже не просто зомби.

– Гаррат не любит некромантии, – проворчал гном, перезаряжая бомбарду. – И правильно, кажись. По мне, так подлая она штука!

– Согласен, – кивнул Ульвейн. – Но перед азтэросом за неё я отвечу сам.

– Сколько ж тебе их перебить надо? – прищурился бородатый воитель.

– Чем больше, тем лучше, – усмехнулся тёмный эльф. – Тысячи, лучше – десятки тысяч. Разумности в них на ломаный грош, а нам надо собрать деньжат на дворец из чистого золота. И потом, Арбаз, вступит твой кристалл.

– Идёт. – Гном сжал кулаки. – Будут тебе твои тысячи, Ульв. А этот мир, клянусь бородой, ожидает такой фейерверк, что во веки вечные не забудет!..

* * *

– Повелитель! – Сежес нетерпеливо дёргала полог императорского шатра. Сеамни недовольно поморщилась, натянула одеяло до подбородка. – Повелитель, важные новости!..

– Бароны сдались? Маги явились с изъявлением покорности? – Император застегнул пояс, машинально проверив, легко ли клинок выходит из ножен.

– Нет! – Чародейка едва не подпрыгивала, вся сияя, – в общем, вела себя совершенно несолидно.

– Мы пытались провидеть, что творится сейчас с козлоногими, – захлёбывалась Сежес. – Почему они не наступают – только ли благодаря жертвоприношениям Шести Орде-нов? И что оказалось, повелитель, – на границе тварей почти не осталось! Десятки там, где вчера кишели тысячи!

– Куда ж они делись? – тихо спросил Император, чувствуя, как замирает сердце.

– Они все на западе! – с торжеством выпалила Сежес, так, словно это было её личной заслугой. – На западе, за Разломом – и там идёт такая волшба, что, повелитель, я готова была от зависти слопать собственную юбку!

– Не стоит смущать моих легионеров, равно как и Баламута, – невозмутимо бросил Император, услышав за спиной тихий смешок Тайде.

– Кто-то заставил стянуться туда всех козлоногих! – Сежес даже не обратила внимания на шпильку. – Кто-то бьёт их в хвост и в гриву, так, что даже костей не остаётся!

– Те, кто выжигал магию пирамид, по-прежнему помогают нам, – тихо проговорила Сеамни. – Не знаю, кто они, откуда, чего хотят, – но помогают!

– Жаль только, не присоединились к нам в преддверии Всебесцветной Башни, – заметил Император.

– Боюсь, что и не присоединятся, – покачала головой чародейка. – Эта магия не от мира сего, не мельинская. И тем, кто бьётся сейчас с козлоногими, нет дела до наших собственных дрызг. Там чувствуется и ещё какое-то волшебство, но его я понять уже не могу. Несмотря на новые силы. Я бы и раньше этого не почувствовала, но так уж совпало... да и пламя они распалили – выше неба.

– Что ж, возблагодарим судьбу за этот маленький подарок. – Император торопливо облачался в броню. – Нельзя терять ни дня. А Радуге послать гонца, чтобы немедленно прекратили детоубийства. Конечно, они не послушают, но... А легионам – марш, марш, марш!..

...Радуга ещё пыталась сопротивляться. Когда Серебряные Латы вплотную приблизились к Мельину, мятежная часть Шести Орденов вновь прислала посольство, всё ту же Шённес, гордо бросившую, что «твоя неумная шутка нас не запугает» и что «Радуга больше не сдерживает орду. Она обрушится на тебя, неразумный и недостойный короны сын Императора, и тогда горе тебе!..»

– Не смею препятствовать, – ядовито поклонился Император. – И желаю удачи в столь благородном начинании.

...Голубиная почта вскоре принесла весть, что твари Разлома вновь поползли на запад, но теперь они не мчались, пожирая лиги, они едва тащились, в день одолевая едва ли восьмую часть обычного перехода легионов.

Конгрегация же решила Мельин не сдавать. Императора встретили наглухо замкнутые ворота и гордые знамёна знатных родов, щедро украсившие стены и надвратные башни. Легионы поломали бы зубы о столичную твердыню; всё, о чём в своё время толковал Брагге проконсул Клавдий, вышло бы справедливо и для имперской армии: крепкие и высокие стены, близость воды, обильные запасы.

– Скаррон, твой Девятый Железный останется здесь, – бросил Император, закончив объезд города. – Мятежники не должны высунуться за стены. Как это сделаешь – не мне тебя учить.

– А чего тут учить? – ухмыльнулся тот. – Костров побольше палить станем, манипулы под разными значками туда-сюда погоняем. Не впервой, повелитель! Ну, а когда разберутся да прочухаются – уже поздно будет.

– Всё верно. И помни, нужно не просто удержать их в городе – а и сберечь легион. Надавят – отходи, сдерживай, но не переусердствуй. Стоять насмерть сейчас нужды нет.

– Как же «нет», повелитель, а если они в спину войску ударят? – возразил командир Девятого легиона.

– Не успеют, – уверенно сказал Император. – Пока разберутся, пока развернут конницу – мы уже доберёмся до Нерга. А без всебесцветных вся эта Конгрегация... – Он покачал головой и усмехнулся: – Сама развалится.

– А козлоногие?

– А им сейчас не до нас.

* * *

– Не умеете вы, эльфы Тёмные, в осадах сидеть, – основательно и веско пробасил Арбаз, стягивая сапог и с наслаждением шевеля пальцами. – Времени-то всего ничего прошло, а вы уже стонете. Хорошо, что гаррат не слышит. Впрочем, даже услышь он, вам-то что – он добрый, милостивый, нет бы отправить лет на триста драконий навоз разгребать. Ну, чего хнычете, чего стонете? Вода у нас есть. Припасов маловато, что верно, то верно, но гном, если надо, и дольше протянет, хотя брюхо у нас куда вместительней вашего. Ты,

Ульвейн, скоро заклятье закончишь? Козлоногих жжём сотнями, они уж и сунуться боятся, нам самим спускаться приходится. У меня заряды к бомбарде кончаются. – На лице гнома отразилась искренняя озабоченность. – Опять же людям от нас немалое облегчение. Твари стоят, как цепями к нам прикованные. Потерь, считай, нет, полдюжины легкораненых. Живи да радуйся, эльфы! Нет, всё-то вам не так.

– Разговаривающих или хотя бы воющих всё меньше. – Ульвейн за эти дни исхудал, спал с лица, кожа потемнела. Щегольской смарагдовый наряд обратился в грязные, прожжённые во множестве мест лохмотья. – Силу для моих чар с каждым днем набирать всё труднее. И я чувствую, что твари опять оживились на востоке. Едва ли обитателям Мельина сейчас легко, любезный гном.

– Всем сейчас шею стянуло. – Арбаз сплюнул. – Ты скажи, эльф, сколько тебе ещё этих «разговаривающих» потребно? Отличать я и мои их можем, достать трудненько, что правда, то правда, но – не невозможно. Придётся только чуть подальше отойти.

– Ага, и потом выручать тебя всем отрядом будем, – огрызнулся Аррис. Эльф баюкал левую руку, замотанную тряпками и висящую на перевязи: магия затянула рану, но какое-то зловредное чародейство в ней до сих пор оставалось. – Уж лучше потихоньку-полегоньку...

– Потихоньку да полегоньку не получится, – отрезал Арбаз. – Гаррат велел вас вытащить и поспешать обратно. А мы тут сидим, штаны протираем. Нет, господа эльфы, вы как хотите – этой ночью я пойду на промысел. Ульв, последний раз спрашиваю – сколько этих тварей тебе нужно?

– Дюжину, – отвёл глаза эльф. – Дюжину разговаривающих или пять сотен вопящих. Молчунов не надо совсем.

– Будет сделано. – Гном ухмыльнулся в бороду. – Нуте-с, сколько ж у нас осталось красной смеси?... – Он встал на колени перед сундучком, на котором только что сидел, распахнул крышку и стал копаться в почти полностью опустевших алхимических склянках, уютно устроенных в выложенных мягким выемках. – Маловато, эх. Ну ничего. И белая для такого случая сгодится, и даже лиловая.

Он принялся откупоривать флаконы, отмеряя мензуркой сухо потрескивающие порошки, – по их крупинкам иной раз проскакивала быстрая цепочка разноцветных искорок. Оба эльфа взирали на священнодействие с неподдельным уважением. На что способны заряды Арбаза и его бомбарда, они уже видели.

– Эй-гой! Хассар! – окликнул он проходившего мимо гнома – доспехи того покрывала копоть, верно, только что поднялся от внешнего палисада. – Собери наших. Болтунов пойдём промышлять.

– О! То дело! – обрадовался Хассар. И рысью припустил в глубь осаждённого лагеря, выкрикивая: – Нором! Ковдан! Шумр!..

– Он мне всю дичь распугает, – усмехаясь, пробормотал Арбаз, ссыпав наконец все потребные порошки на расстеленную тряпицу. – Так, завернуть, запечатать... А вы, господа эльфы, не глазейте на меня, словно на воплощение Прекрасной Дамы. Может, нам придётся улепётывать отсюда во все лопатки.

– Наши давно готовы. – Аррис последний раз погладил перевязанное предплечье и встал. Лук остался висеть за спиной в саадаке, сегодня для боя эльф выбрал небольшой арбалет, его можно было заряжать и одной рукой.

– Тогда ждите меня, – распорядился Арбаз. Его сородичи уже собирались – все в разномастной кованой броне, с причудливыми боевыми устройствами-огнебросами, скрещенными с топорами, секирами и даже мечами. Сам предводитель гномов встал, последний раз кивнул эльфам, бросил на лицо глухое зеркальное забрало и что-то забубнил себе под нос, не обращая больше ни на что внимания.

– Идём, Аррис. – Ульвейн тоже встал, пошатнулся, болезненно поморщившись и схватившись за бок. – Если борода сказал, что добудет болтунов, значит, добудет. Даже если его самого принесут на носилках.

Никто не допускал даже мысли, что «полк» Арбаза может оставить его тело врагам, кем бы они ни были.

Ворот в наспех возведённом частоколе эльфы-строители не предусмотрели. Арбаз ловко набросил поверх городьбы стёсанное бревно, с лёгкостью, какой никогда бы не заподозрили в грузном, перевитом вздутыми мышцами теле, взбежал на самый верх, замер, балансируя, на виду у всего козлоногого воинства.

– Вы! – заорал, надсаживаясь, гном. – Рогатые вонючки! Мешки с трухой! Гнилозадые коровы!..

Козлоногие – те, кто мог говорить или хотя бы рычать, – встретили эти слова истошными воплями. Неважно, что гном говорил на языке, созданном Хедином для своих подмастерьев, и знать его твари вроде бы никак не могли; неважно, что ругательства эти были совершенно лишены остроумия или подлинной насмешки; Аррис с Ульвейном подозревали, что кричать Арбаз мог и что-то вроде: «да здравствует великий Неназываемый, наш бессмертный вождь и учитель!», и это сработало б не хуже.

Гном удовлетворённо кивнул и ловко спрыгнул вниз – ещё одна небольшая привилегия подмастерьев Познавшего Тьму. Следом за ним посыпались его однополчане.

– Держись, сейчас начнётся, – проворчал Аррис, останавливаясь и плотно зажмуриваясь.

Они с Ульвейном едва успели. За частоколом что-то взорвалось так, что, казалось, сейчас лопнет само небо. Ослепительная вспышка прогнала ночную темень, чисто-снежное пламя, собственное клеймо Арбаза, взметнулось до звёзд и выше, заставив их угаснуть. Рёв козлоногих сменился долгим, протяжным и высоким воем, словно великое множество смертельно раненных волков пело последнюю песнь.

– Пospешим, – потянул Арриса Ульвейн. – Мне без тебя не справиться.

Остальные из их отряда уже бежали к частоколу: гномы лихие рубаки, но, когда они станут отходить обратно за городьбу, им потребуется каждый лук, каждая стрела и каждое боевое заклятье, что поможет сдержать живой прилив воинов Неназываемого.

– Кристалл?..

– При мне, не волнуйся, Аррис. – Ульвейн шагал быстро, как только мог, и уже задыхался.

На самой вершине холма речными окатышами, взятыми в пересохшем русле, эльфы выложили множество рун – дюжину дюжин, если точно. Выверенные по луне и звёздам, они связывали смерти чувствующих существ с оковавшей Мельин оболочкой.

Некромантия чистой воды, как сказал бы старик Даэнур, доведись ему увидеть подобное. По давней человеческой привычке дуотт бы долго и восхищённо цокал языком, восторгаясь изобретательностью сопряжений и необычностью переходов; заклятье, правда, вызовет немалые разрушения, но чего их бояться в этом безлюдье!

Двое Тёмных эльфов встали в самый центр рунного круга. Ульвейн сжимал в чуть подрагивающих пальцах покрытый трещинами кристалл Арбаза – их единственную надежду вырваться из мельинской ловушки.

За частоколом гремело и полыхало. Стало светло, как в яркий полдень, вой козлоногих терзал слух. С городьбы свистнула первая стрела, обернувшись росчерком пламени, – орда ринулась на очередной приступ.

– Начинай, Ульв, не успеем...

– Успеем, Аррис, всё успеем. – Тёмный эльф старался подпустить в голос побольше уверенности. – Арбаз дело знает. Видишь, руны вспыхивают? И впрямь бьёт «болтунов», на выбор, не загрязняя их эманации смертями обычного стада.

По трещинам кристалла тоже побежали цепочки белых огоньков, раздалось негромкое потрескивание. Негромкое – но почему-то отлично слышимое в рёве и грохоте разгоревшегося сражения.

– Сейчас... сейчас... – Ульвейн лихорадочно водил тонкими пальцами по трещинам в кристалле, словно пытаясь проследить их рисунок. Руны горели всё ярче, за рядами остроконечных брёвен вновь полыхнуло белым – Арбаз в очередной раз использовал свой знаменитый заряд.

– Пора, брат. – Аррис не знал всех деталей заклатья, но чувствовал скопившуюся и готовую вот-вот вырваться из узды силу.

– Пусть все отходят, – сквозь зубы, не отрывая взгляда от кристалла, проговорил Ульвейн. – Гномов это тоже касается.

Дозваться неистового предводителя бородатых воинов удалось не сразу.

– Что?! Отходим? Да мы только-только во вкус вошли! – проревел Арбаз.

– Проклятый хвостун, – зашипел Аррис. Заклатье позволяло слышать не только похвалбу гнома, но и стоны его раненых товарищей. – Они потеряли самое меньшее пятерых, сейчас выносят их с поля...

Ульвейн не ответил, он трясся, не отрывая взгляда от разваливающегося прямо у него в руках кристалла. Из трещин вырывалось пламя, охватило ладони эльфа – тот заскрежетал зубами, но пальцев не разжал.

Гномы уже всю лезли через частокол, товарищи Арриса и Ульвейна встретили козлоногих настоящим вихрем и стрел, и заклятий, но, видать, сегодня Арбаз взбесил тварей из Разлома как-то по-особенному. И «болтуны», и «крикуны», и «стадо» – все рвались вперёд, огромными прыжками, вспыхивая, умирая и распадаясь чёрным пеплом прямо в воздухе, но не останавливались и не поворачивали назад, как не раз случалось прежде за время осады.

...Арбаз, как и положено, последним перевалился через городьбу. Броня гнома стала совершенно чёрной, и сам он больше всего напоминал диковинный, почему-то оживший кусок угля.

– Эй-гой! Аррис, Ульвейн! – Рёв предводителя гномов слышен был повсюду в лагере безо всякой магии. – Мяско-то мы, кажись, слегка пережарили. Пованивать начинает! – Он повернулся, задрал ствол бомбарды высоко в небо, пригнулся и нажал спуск – из жерла вырвался ярко-жёлтый шар, взмыл вверх и нарочито медленно стал опускаться.

– На крайний случай берёг, – крикнул гном. – А ну, все ложись, живо!

Шар скрылся за частоколом; Аррис потянул было Ульвейна, но Тёмный эльф успел: кристалл разлетелся мелким крошевом, над городьбой поднялась вторая стена, призрачная и мерцающая. Она-то и приняла на себя удар, разметающий, точно лучинки, заострённые брёвна, выдравший их из земли и отбросивший на десятки сажень. Холм окружило море пламени, на время оттеснившее даже обезумевших козлоногих. Над центром рунного круга появилось лёгкое дрожание, словно нагретый воздух над камнями в яркий солнечный день.

– Бежим! Скорее, портал долго не продержится!

Гномы, эльфы, люди, другие подмастерья Хедина вперемешку мчались к спасительным вратам. Призрачная преграда задрожала, истаявая, а по жирному пеплу, во что обратились сотни рогатых тварей, уже валили их новые ряды.

– Молодец, Ульв, – одобрительно бросил эльфу Арбаз, последним вступая в дрожание.

Лавина козлоногих захлестнула оба холма, втоптала во прах остатки заграждений и сомкнулась на вершине, там, где только что закрылась дверь, выведшая из Мельина хединских подмастерьев.

И, оказись здесь коричневокрылый сокол, он, облетая место битвы, увидел бы, как под бесчисленными копытами бестий Разлома вдруг задрожала земля, почувствовал бы, как расходятся её пласты, как открываются новые каверны, заполненные тёмным пламенем, и как беззвучно валятся в него рогатые твари – точно куклы, с которыми наскучило играть непоседливому малышу.

Холмы, долина меж ними, ручьи, источники, рощи – всё проваливалось и горело, оставляя на теле Мельина жуткий шрам – но не истекающий гноем, заражённый, как Разлом, – а чистый, хотя и болезненный, оставленный первородным пламенем.

Грохот этого удара слышали во всех концах огромной Империи; он прокатился от моря до северной тундры, от владений Вольных до пустого замка Хозяина Ливней. Конечно, не обошлось без магии – обычный воздух не разнёс бы гром настолько далеко.

Мельинская эпопея соратников Познавшего Тьму закончилась.

Они ушли – но Разлом остался. Всё так же заполнял его живородящий туман; и вот в сгустившейся ночи на краю пропасти возникла первая шеренга рогатых тварей.

Их ждал восток этого мира; дело ещё не окончено.

Козлоногие не признавали поражений.

Штурм будет продолжаться.

Глава одиннадцатая

Ночь всё длилась и длилась. Где-то разлеглась отдыхающим удавом от небес до грешной земли золотая лестница, где-то шествовал по ней Спаситель, неся погрязшему в пороках миру последний суд и, согласно священному преданию, великую справедливость. Где-то далеко на закате бурлил тёмный котёл, выбрасывая длинные струи, словно плюющийся чернилами морской зверь осьминог. Где-то совсем рядом, на юге, от зачумлённого Аркина неудержимой волной катился мрак, и за серой его границей бесновались голодные твари. Поистине наступали последние дни, но ни Анэто, ни Мегане дела до них не было.

Они просто любили друг друга, жадно и неумело. Неудивительно – оба если и испытывали нечто подобное, так в давно прошедшей молодости, и оба же постарались об этом забыть, сами для себя обозвав искренность – неприличием, желание – плотским вожделением, недостойным просвещённого ума.

Сейчас они навёрстывали упущенное – тем более что положение мага и волшебницы, дарованные чарами здоровье и долголетие позволяли испытать всё вновь, так, как если бы им вновь сделалось по двадцать лет.

Не наступало утро, приносящее разочарования. Ночь, придуманная извращённым нечеловеческим разумом как время неодолимого ужаса, стала благословением.

Передыхая, сидели, обнявшись, смотря на такие обманчиво спокойные звёзды. Даже путь Спасителя, та самая золотая лестница, больше не пугал. Огненные болиды больше не разрывали небосвода, и могло показаться, что в Эвиале вновь всё как всегда.

Конечно, они знали – это не так. Над дальним Нарном плясали серебристые призраки, Анэто странно обострившимся чутьём ощущал творимые там заклинания: владычица Вейде завершала свои дела в этом мире. Ещё немного, ещё чуть-чуть – и, когда Спаситель выдержит скрепляющие сие мироздание скрепы, эльфы уйдут. Все. И живые, и когда-либо жившие здесь. Дазнуру от такой некромантии стоило бы сперва удалиться на десяток лет в добровольное изгнание, а потом пасть перед эльфийкой на колени и умолять взять его в ученики.

Здесь, в Эгесте, и дальше на юг, за областью Святого города, сейчас залитой тьмою, в Эбине и Мекампе, в Семиградье – повсюду в Старом Свете яркие огни горели только в храмах всё того же Спасителя. Там молились. Пели, исповедовались и вновь молились. Священники не успевали отпускать грехи добрым прихожанам.

– Нам с тобой, боюсь, перед Ним не оправдаться, – равнодушно заметил Анэто, почти случайно взглянув на золотую лестницу.

– А я и не собираюсь оправдываться. – Мегана откинула со лба волосы. – Тоже мне, судия. Мне не всё равно, что обо мне думаешь ты, Ан, а не какой-то золотистый призрак, пусть даже способный испепелить Эвиал от горизонта до горизонта.

– И что же, мы так и останемся здесь сидеть? Ничего не попытаемся сделать?

– Что можно сделать против Него? Мы так и не узнали.

– Единственное, – медленно проговорил Анэто, – не хотелось бы умирать, словно курицы под ножом, визжа от ужаса. Лучше уж лицом к лицу. В честном бою, хотя, конечно, какой там честный бой...

– А может, всё и обойдётся. – Извечно женское, когда прижимаешься к плечу любимого.

– Нет, Мег, не обойдётся. Я смотрел Ему в глаза. Вейде говорила, что в сегодняшнем Эвиале этим могут похвастаться она, несколько эльфов Зачарованного леса да я. – Он усмехнулся. – Знаешь, всю жизнь боялся. Что-то потерять, не успеть, прогадать. Боролся с этим страхом. А теперь не боюсь. И не раскаиваюсь.

– А как случилось, что у могущественного чародея, главы Белого Совета, ректора древней и уважаемой Академии, так и не появилось супруги?

– Да так же, как и у тебя не появилось мужа, Мег. Слишком важными казались успех, карабканье вверх по лестнице, деканство, затем – ректорство... А уж сколько сил потрачено на обмен колкостями с Волшебным Двором, и говорить не приходится.

– Да. – Мегана тихо засмеялась. – Помнишь, когда я подсунула твоим «предельщикам» «вывезенный из-под самой Тьмы артефакт»?

– Такое как же не помнить. Весь факультет битых два месяца ломал головы, как его открыть, наконец додумался, а там... – Анэто засмеялся, махнул рукой.

– Словно дети. – Мегана тоже улыбнулась, покачав головой. – Разменявшие не один век маг и волшебница подбрасывают друг другу «сюрпризы», словно первогодки твоей Академии.

– Может, мы уже тогда ухаживали друг за другом? Только сами об этом не подозревали?

– Наверняка. – Чародейка закинула руки Анэто на шею. – Долгонько, правда, ждать пришлось, пока оба не догадались.

– Зато теперь всё хорошо. – Маг коснулся губами шелковистой щёчки. – Спаситель, не Спаситель, мы вместе! Чего ещё надо?

– Поесть, – засмеялась Мегана.

– От щедрот их королевского величества нам кое-что перепало. – Анэто слегка пнул сумку. – Пока хватит, а дальше, наверное, уже и не понадобится.

– Ага, ты опять готовишься исключительно к героической смерти?

– Мег, а что ты предлагаешь делать? Отправиться в Ордос или Волшебный Двор, посмотреть домишко попросторнее? – горько бросил Анэто. – Спаситель в Эвиале. Не знаю, почему Он медлит, почему предание не исполняется в точности, – но взгляда Его не забуду. Он один перевесит все трактаты и писания, пусть даже именуемые «священными». Нет, Мег, нам в стороне не остаться. Слишком уж долго мы гонялись за призраками, за ложными целями. Штурмовали Чёрную башню, слушали Этлау... тьфу, как вспомню, со стыда бы сгорел. Нет нам иной дороги. В сторонке не отстоимся, в ямке не отсидимся. А Его я бы предпочёл встретить...

– Конечно, со мной, – ни на миг не поколебалась Мегана. – Встанем вместе. И не вздумай болтать глупости про то, что, мол, я слабая и меня надо защищать. Я как-никак пока ещё хозяйка Волшебного Двора. А это кое-что значит.

– Мег... – Анэто вновь обнял чародейку, зажмурился, вбирая тонкий и неповторимый аромат её духов. – Я не мог звать тебя с собой, я не мог...

– Ерунда, – решительно отстранилась чародейка. – Предположим, ты и впрямь вздумалась героически помереть, – а что я стану делать без тебя, ты подумал? Предложишь мне взойти на костёр, как верной жене из старой Синь-И? Нет. Выдюжим – так вместе. Нет – так тоже не поодиночке. Согласен?

Анэто только улыбнулся. И – крепче сжал её тонкую талию.

– Тогда нам одна дорога, – шепнул он. – В Аркин. Сквозь завесу мрака. Туда, где чудовища. Где кончается золотая лестница...

– Невозможно, – задорно откликнулась волшебница. – И потому мы с тобой это сделаем. В конце концов, я горю желанием поквитаться за Чёрную башню.

– Отправимся вдвоём, больше никого звать не станем...

– А никто и не пойдёт, – перебила Мегана. – К чему разочаровываться в старых товарищах, а их ставить перед ложным выбором? Мы знаем, что «никто, кроме нас», а они... они, наверное, ещё на что-то надеются. Особенно те, кто втайне молился Спасителю.

– «Кольцо» бы могло помочь, – невольно вздохнул Анэто.

– Кто знает, что вообще может помочь против Него, не знающего поражений? – резонно возразила Мегана. – Нет уж. Пойдём вдвоём. И то сказать, кто ещё сможет, как мы, проваться в сам Аркин?

– У меня пока ни единой мысли, *как* именно мы это сделаем, – признался маг. – Ты сражалась с теми тварями, Мег...

– И потому, – вновь перебила волшебница, – вновь лезть в драку не хочу. Для начала проверим, не пресеклись ли тонкие пути. Одно дело, когда меня вытаскивал Эфраим, и совсем другое – мы с тобой. Вот только дождёмся вампира, он обещал слетать на разведку.

* * *

Ракот и рыцари Ордена Прекрасной Дамы шагали сквозь мёртвый Аркин. Воздух застыл в тяжкой неподвижности, его словно заполнило серым пеплом; дышалось тяжело, всем, кроме бывшего Властителя Тьмы.

Снесённые крыши, стены, рухнувшие горами битого кирпича, сиротливо повисшие на чудом уцелевшей петле ставни. Внутренности жилищ, чей-то с любовью выстраивавшийся уют выпотрошены, выставлены на поругание. Кое-где за обвалившимися фасадами открылись почти нетронутые комнаты; рыцари невольно косились на брошенную утварь, одежду, кое-где среди камней попадались детские игрушки – забавные куклы, тряпичные зверята. Ракот краем глаза заметил, как один из рыцарей, нагнувшись, осторожно поднял обсыпанного известью полосатого тигра, набитого ватой. Вытащил и, не стесняясь, сунул в поясную суму – служителям Прекрасной Дамы прощалась известная сентиментальность, невозможная среди иного воинского люда. Пусто, мёртво, безмолвно. Твари поспешили убраться куда подальше, поджав хвосты и не дерзая больше заступать пришестьцам дорогу. Только дважды обезумевшие одиночки, один раз – громадный паук и второй – диковинная смесь краба с осьминогом попытались броситься на отряд из развалин; Ракоту не пришлось даже снимать меч с плеча, рыцари справлялись с бестиями решительно и безо всяких колебаний.

Путь через руины Святого города занял немало времени. Кое-где рухнули мосты, но даже вода не журчала радостно, переливаясь через обломки, – она тоже замерла, превратившись в серый кисель.

И всё ближе становилась золотая лестница, её сияние уже начинало резать глаза.

– Как твой след, командор? – осведомился Ракот, перед тем как отряд вступил на просторную площадь перед кафедральным собором.

– След есть, – сдержанно кивнул рыцарь. Заметно было, как он пытается сдержать и не выказать волнения. – Прекрасная Дама где-то рядом.

– Рядом? Совсем рядом? – поднял брови Ракот.

– Нет, конечно же нет, – смутился-таки старый воин. – «Рядом» следует понимать метафизически, отнюдь не телесно. Её эманации коснулись этих камней, вот что я имел в виду, сударь.

– А, – кивнул названный брат Хедина. – Ну, а подняться по этим ступеням – готов ли, командор?

– Готов. – Тот бестрепетно склонил голову. – Идущая по ним Сущность враждебна Прекрасной Даме. Ордену этого достаточно.

– Хотел бы я, чтобы мне вот так же всё было ясно и достаточно, – вздохнул Ракот. – Что ж, рыцари, – вот наш бой. Прекрасная Дама, уверен, одобрила бы наш порыв...

– Она сама бы встала рядом с нами! – яростно выкрикнул один из рыцарей, тот самый, что поднял игрушечного тигра.

– Тихо, Доас, – нахмурился командор. – Не нам решать, что сделала бы Она. Мы можем лишь своей смертью приблизить Её новое возрождение.

Ракот мысленно почесал в затылке. Верования Ордена Прекрасной Дамы отличались порой совершенно неожиданными поворотами.

– Сударь. – Названный Доасом рыцарь шагнул к Ракоту, и Повелитель Тьмы увидел, что тот совсем ещё молод. – Позвольте встать рядом с вами. Вы не имеете оруженосца, а в битве...

– Тишшше! – зашипел сквозь зубы скандализированный командор. – Предлагать свою службу *такому* сюзерену!.. Прошу простить несдержанность молодости, сударь, готов ручаться...

– Я отнюдь не оскорблён, – усмехнулся Ракот. – Но всё-таки я пойду первым. И без оруженосца. Пусть те, кто пожелает, следуют за мной, но не ближе сотни ступеней. Я дам приказ, если надо.

– Орден Прекрасной Дамы помнит свой долг и исполнит его! – Поистине, командор казался просто напичкан напыщенными декламациями.

– Тогда идёте.

Вот она, заветная лестница. Широкие ступени – в ряд смело пройдут пятеро. Радостно лучащиеся, словно из гладкого, отполированного золота, они кажутся совершенно реальными, настоящими, из плоти этого мира, отнюдь не призрачными.

Ракот помедлил, скинул с плеча чёрный меч. Он ждал этого мига, мечтал о нём, предвкушал, представлял во всех деталях, смаковал саму мысль о нём. Схватиться со Спасителем лицом к лицу, сойтись в честной рукопашной – чего ещё может пожелать бывший Владыка Мрака, не единожды штурмовавший Обетованное, претерпевший самое сокрушительное из возможных поражений, переживший ужас развоплощения и заточения на Дне Миров?..

Былые хозяева Упорядоченного сокрушены и изгнаны. Они с братом не заплатили Ямерту и его родичам той же монетой, не стали изничтожать или обращать в бесплотных и бессильных призраков. Если Молодые Боги появились в Упорядоченном, значит, это произошло не случайно. И совсем извести Ямерта и компанию, стерев даже память о них, не представлялось разумным. В первую очередь, конечно же, Хедину. Но здесь Ракот был с ним согласен.

Ну, что же ты медлишь, Повелитель Тьмы? Ты втихую ненавидишь приставку «бывший», ты толком не знаешь, что делается сейчас в некогда твоём домене, что там натворил Чёрный из поколения Новых Магов, некогда посуливший им с Хедином присмотреть за братцами и сестрицами? Почему ты оробел сейчас?

Рядом с Ракотом появился его всегдашний спутник, чёрный зверь, смахивающий на кабана, но покрытый тёмной блестящей чешуёй, словно дракон. Блестят клыки, глаза устремлены на господина – ну когда же он отдаст приказ?

А хозяин медлит. Он смотрит вверх, на уходящие к небесам ступени, и медлит.

У Хедина можно научиться многому, но главное – осторожности. Что произойдёт, когда он, Ракот, Ракот-Заступник, как называют его в тех немногих мирах, где они с братом разрешили верить в себя открыто, – когда он сойдётся врукопашную со Спасителем? Последствия Брандея помнились крепко.

Нет, иного выбора не осталось. Или он рискнёт – или удавится со стыда, глядя, как Спаситель оставляет пустую оболочку от ещё одного мира. От мира, который пасть не имеет права. Ракот делает шаг.

Нога в чёрной броне опускается прямо на золотую ступень, опускается – и проходит сквозь, вновь оказавшись на опалённых тёмным пламенем камнях Аркина.

У бывшего Владыки Мрака вырывается сдержанное рычание.

Орден Прекрасной Дамы застыл, не сводя глаз с происходящего. Из развалин домов по краям площади высунулись чудовищные хари новых хозяев Святого города; приближаться они не дерзают, но смотрят, смотрят во все глаза, гляделки и буркалы.

Вторая попытка. Ракот подкрепляет движение магией, естественной, как дыхание, – но дыхание как раз сбоят, горло словно наполняется сухим и горьким пеплом. Нога остаётся там же, где и была.

Ступени Спасителя не собираются держать Нового Бога.

– Тррррус, – яростно рычит Ракот, в бешенстве крутанув клинок.

– Позвольте мне, сударь. – Доас почтительно кланяется, опускает забрало и, держа наготове и щит, и меч, осторожно ступает на первую ступень.

Золотое сияние не расступается, оно ничего не имеет против белых доспехов рыцаря Прекрасной Дамы. Доас спокойно делает ещё шаг, поднимается на следующую ступень, потом – на третью, четвёртую, пятую.

– Вот видите, сударь, вам никак не обойтись без оруженосца. – Молодой рыцарь разводит руками.

– Тогда пойдём мы все, – решительно бросил командор. – Становись!..

– Нет, меня так просто не возьмёшь, – рыкнул Ракот, одним движением оказываясь на спине чёрного зверя. – Нельзя идти – полечу!

Красный плащ не затрепетал, как обычно, когда его хозяин устремился ввысь. Умерли не только ветра, умерла и способность воздуха сопротивляться. Хорошо ещё, что им можно было дышать.

Зверь Ракота закладывал круг вокруг золотой лестницы, не нуждавшейся в опорах. Где-то далековерху сияла небольшая фигурка Спасителя; Орден Прекрасной Дамы названому брату Хедина пришлось останавливать чуть ли не силой.

– Оставайтесь внизу, – втолковывал он им. – Я позову, когда понадобится.

Рыцари нехотя подчинились, последним остановился Доас.

Ну, теперь всё. Чёрный зверь ввинчивался в недвижный воздух, продираясь сквозь него, глаза горели яростью, с клыков срывалась слюна. Воины в белых доспехах встали в круг, выставив мечи, – с уходом Ракота твари по краям площади явно осмелели.

Сияющая фигурка мало-помалу приближалась, земля уходила вниз, серый полумрак странной ночи скрадывал шпили соборов и развалины домов, набрасывая призрачный занавес. Ракот перехватил меч поудобнее. Что ж, Спаситель, ты не захотел драться честно. Твои ступени меня не держат? – тебе же хуже. Я могу летать, как угодно, а ты никуда не денешься с собственной лестницы. Если божественная сила сама налагает на себя ограничения, то даже ей отменить их обратно не так-то просто.

Ближе, ближе, ещё ближе... Ну, унылый странник, вестник тоски и гибели, что тебе остаётся делать? Побежишь, покажешь спину – или примешь удар лицом к лицу?..

У Ракота вырвалось хищное рычание. Наконец-то равный противник. Наконец-то достойный бой!

* * *

Суматошно хлопая крыльями, словно заурядная курица, вдруг вздумавшая воспарить в небеса, Эфраим свалился рядом с едва успевшими разжать объятия Анэто и Меганой.

– Т-там... там... Он уже... близко, совсем-совсем... – бестолково забормотал старый вампир.

Мегана тревожно взглянула на мага. Надо знать бывалого, тёртого жожака Ночного Народа, чтобы понять, насколько он потрясён.

– Спаситель, – уже более внятно проговорил Эфраим, – спускается. И Он в ярости. Меня едва коснулся Его взгляд... и я решил, что всё, рассыпаюсь золой.

– А мы как раз собрались Ему навстречу, – спокойно сказал Анэто. – Ты с нами, Эфраим? Это будет славная битва, клянусь своей ректорской кафедрой.

– Всё шутите, – укоризненно проворчал вампир. – Я, конечно, вас донести до Аркина смогу. Но вот дальше... на лестницу ту вставать... я, государи мои, к ней и приблизиться не сумею. Есть вещи посильнее меня, и никакая магия не защитит.

– Ничего такого и не потребуется, – заверил его Анэто. – Нам бы только добраться до Святого города. А дальше уже сами.

– Но только если тонкий путь не раскроется, – уточнила Мегана.

Маг молча кивнул.

– Тогда за дело, Ан. А ты, Эфраим... если хочешь, можем проститься. Мы тебя не держим, ты нам ничего не должен. Напротив, это мы перед тобой в долгу и, кто знает, сумеем ли расплатиться.

– Бросьте, государыня, – отвернулся вампир. – Не брошу я вас. И не уйду никуда. Решили вы Спасителю противустать – ну, так и я с вами. Загадывать, как оно всё выйдет, не стану. Глядишь, и пригожусь.

– Спасибо тебе, Эфраим, – кивнул Анэто. – Конечно, мы не откажемся от помощи. Любому, кто захочет встать рядом с нами, мы рады. Давай, Мег, открывай врата. Время не ждёт, если я правильно понял нашего крылатого спутника.

Хозяйка Волшебного Двора молча склонила голову.

...Тонкий путь открылся на удивление легко. Однако он, конечно, вёл не в сам Аркин, верно, не в состоянии пробиться сквозь серую завесу, окружившую Святой город. Незримая тропа кончалась недалеко от тёмного барьера.

– Что ж, и на том спасибо, – подытожил Анэто. – Эфраим, ты с нами?

Вместо ответа вампир протянул руки магу и волшебнице. И так, взявшись за руки, двое людей и вождь Ночного Народа скрылись в раскрывшейся перед ними незримой двери.

...В окрестностях Аркина – как помнила Мегана – ничего не изменилось. Та же серая ночь, тот же барьер тьмы, уверенно расплывшийся в разные стороны. Шпилей Святого города не видно – слишком далеко.

Нет, я не права, подумала чародейка. Кое-что не так. Куда-то делись все чудовища, что ярились за пологом. Да и сама завеса... как-то неравномерно она движется, справа и слева от нас отмеряла куда больше, чем посередине. Что-то там не так. Совсем не так...

– Прошли тут до нас какие-то странные, – вдруг заметил вампир. – Аккурат посередке и прошли.

– Да, и прямо во тьму, – проговорил Анэто, напряжённо морща лоб. – Хотел бы я знать – кто такие, как прорвались... а то я уже голову успел сломать, как сквозь преграду пробиваться.

– Чего гадать? Пойдём и увидим.

Они увидели – колышущиеся серые края разрубленного покрывала. Мрак даже не пытался вырываться тут через прореху, да и чудовищ, бросавшихся на преграду, нигде не было видно. За исключением тех, что валялись, изрубленные мечами и истыканные короткими снежно-белыми стрелами – от арбалетов, не луков.

– Кто бы тут ни прошёл, он на нашей стороне, – решительно произнёс Анэто. – Ну, Эфраим, пойдём дальше?

– Когда столько прошли, какой смысл поворачивать? – Вампир философски пожал плечами.

Анэто и Мегана держались за руки, переступая серую черту. Шагнули – и разом окунулись в затхлый, застоявшийся воздух, словно очутились в наглухо запечатанном склепе. Даже Эфраим поморщился.

– А теперь предлагаю лететь, государь и государыня мои. – Он кивнул, указывая на замелькавшие по сторонам тени. – Сюда-то эти твари не суются, верно, крепкий зарок от них положили, но стоит нам отойти... Так что, если не побрезгуете, милорд ректор...

– Побрезгую? – возмутился Анэто. – О чём ты, Эфраим?

– Тогда держитесь крепче, государь мой.

Они взлетели, провожаемые множеством жадных взглядов.

Вот и Аркин, выжженный, полуразрушенный, с пятнами погасших пожаров, залитый мглой; шпили соборов тянутся к тёмному небу надгробными крестами, бессильно целит ввысь перечёркнутая стрела Спасителя. Меж трупами домов мельтешат, извиваясь, перетекая с места на место, смутные тени, то и дело пляшущие вверх огоньками многочисленных глаз.

А золотая лестница – вон она, совсем близко.

Вампир взмахивал крыльями всё тяжелее и всё ниже опускался к земле.

– Больше не могу, – выдохнул он наконец, без сил почти рухнув на камни. – Ступени эти... не получается.

– Ничего, – быстро огляделся Анэто. – Улетай, Эфраим. Спасибо, что пронёс так далеко. А насчёт тварей не беспокойся, мы с Мег их удержим, пока ты не отдохнёшь. У нас пока время ещё есть.

– Обратнo-то я улечу, прочь удирать совсем не то, что грудью переть, – не мог прийти в себя вампир. – Спасибо за заботу, милорд ректор. Хотел бы я рядом с вами оказаться, когда самое главное начнётся. Но... давит меня Его сила, давит и в ничто обращает. Недаром нас вечно Его именем гнали. Вот, уже и легче стало, – фальшиво заявил он, напоказ расправив крылья. – Всё, уже лечу, лечу. Обо мне не думайте, господа чародеи и чародейки. Вы на себя взирали небывалое, я же так... чуть-чуть плечо подставил.

– Эфраим! – Мегана порывисто шагнула к нему, обняла. – Спасибо тебе за всё, сделанное и несделанное. Если повезёт, ещё увидимся. Если нет – прости, коли в чём обидела.

Вампир не ответил, только кивнул, издавая горлом странные звуки. Если бы Анэто не знал, что вампиры не плачут, он поклялся бы, что Эфраим давится слезами.

Летучая мышь взмыла вверх, перекувыркнулась и стрелой помчалась прочь.

Маг и волшебница остались одни.

– Идём, Мег, – просто вымолвил Анэто. – Думаю, эти милые зверюшки не дадут нам соскучиться, но и задерживаться тут нечего.

...Бестии и впрямь попытались напасть, но как-то робко, с оглядкой, словно поминутно ожидая появления куда более могущественной сущности. Волшебник и чародейка отбились на удивление легко. Пробираться через развалины Святого города им пришлось недолго – вампир протащил их далеко в глубь Аркина.

– Ан, смотри! Лестница... и кто-то в белом? Откуда здесь эти воины? Кто они такие? – ошеломлённо прошептала Мегана.

У подножия золотых ступеней ровным квадратом, прикрывшись щитами и выставив клинки, застыли несколько десятков рыцарей в снежно-белой броне, недвусмысленно предупреждая мельтешащих по краям площади чудовищ, что им лучше не приближаться. И те, надо сказать, следовали этому совету.

Анэто и Мегану заметили тотчас. Над рядами рыцарей взвился белый с золотом стяг, несколько раз качнувшийся из стороны в сторону.

Только когда маг и волшебница одолели добрую треть пути, твари за их спиной опомнились. С десятков бросились было следом; град белых стрел пригвоздил самых дерзких к камням, остальные с глухим рычанием отступили, торопливо уползая обратно в развалины.

Рыцари раскрыли строй, пропуская ордосского ректора и хозяйку Волшебного Двора внутрь. Забрала поднимались, открывая красивые и гордые человеческие лица, однако язык, на котором немолодой уже воин обратился к чародеям, оказался непонятен. Рыцарь, похоже, на другое и не рассчитывал, досадливо поморщившись.

– Вы... идёте... туда? – показала Мегана на уходящие вверх ступени.

На сей раз предводитель белых воинов её понял. И отрицательно покачал головой.

– Мы... можем? – Чародейка сделала шаг к ступеням.

Пожилый рыцарь вздохнул. А потом вдруг что-то гортанно скомандовал своим – десятки мечей взлетели в торжественном салюте.

– Они почему-то не могут идти сами. Но приветствуют нашу, гм, смелость, – несколько обескуражено проговорил Анэто, низко поклонившись в знак благодарности.

– Идём, Ан, – тихонько сказала Мегана, первой ступая на золото ступеней. Рыцари провожали её восхищёнными взорами.

Крепкие, прочные ступени. Широкие. Словно из настоящего золота. Перил, правда, нет, ну да ничего, мы бывалые, не свалимся.

Рука об руку, смотря только вперёд, Анэто и Мегана стали подниматься.

* * *

Летучему зверю Ракота пришлось попотеть, доставляя седока к мерно шагающей фигурке Спасителя. Он казался совсем близок, однако шло время, мчались назад золотые ступени, а сам страшный гость Эвиала не приближался, окружавшее Его сияние по-прежнему маячило где-то возле звёздного горизонта.

– Хитёр ты, братец, – прорычал Ракот себе под нос. – Хитёр, умеешь играть с пространством, да и со временем тоже, однако посмотрим, поможет ли тебе это против доброго клинка!

Владыка Тьмы сам не помнил, как долго он мчался навстречу заклятому врагу. Предательская лестница искрилась рядом, такая обманчиво прочная, словно приглашающая довериться её ступеням. И держать Ракота на себе она не держала, но не давала и пролетать сквозь себя. Названный брат Хедина попытался пустить своего зверя вскачь по сияющим маршам – напрасно, летун проваливался точно так же.

– Значит, ни меня, ни со мной, – сказал Ракот наглому сооружению. – Что ж, каков хозяин, такой и слуга. Поглядим, что станет, когда лицом к лицу сойдёмся!..

...Момент этот настал внезапно, только что Спаситель казался крошечной искрой где-то далеко впереди; и вон Он уже рядом – потрёпанный хитон, стёртые сандалии, грубый посох, печально поникшие плечи и скорбный лик. Руки – мозолисты, натружены, словно их обладатель ещё вчера махал киркой в каменоломне или день-деньской шагал за плугом.

На Ракота Спаситель взглянул прежним, сдержанно-горестным взором. Клокочущая ярость Владыки Тьмы его, похоже, совершенно не трогала.

Он настолько уверен в себе? – резанула Ракота холодная, неприятная мысль. Его вепрь уже налетал на врага справа-сбоку, чтобы седоку было удобнее рубануть наотмашь.

– Теперь не увернёшься! – бросил Ракот прямо в лицо Спасителю. – Дерись, слышишь, дерись!

Чёрный клинок летел плашмя, готовый рассечь всё на своём пути: сталь, дерево, плоть. И, подобно стопе Ракота, провалившейся насквозь через золотую ступень, меч пронёсся сквозь тело Спасителя, не причинив тому ни малейшего вреда. Брат Хедина мог бы

поклониться, что имеет дело не с призраком; но лезвие глубоко погрузилось в человеческое по виду тело и завершило круг, не оставив следа.

Выражение Спасителя не изменилось. Он всё так же горестно взирал на неразумное дитя, кружащее вокруг него на чёрном вепре и изрыгающее проклятия на доброй дюжине варварских наречий, а потом покачал головой и сделал ещё один шаг, тяжело опираясь на посох, словно и в самом деле страдал болями в колене.

Вепрь Ракота замер на месте, его бока бурно вздымались, точно магическому зверю стало трудно дышать полным незримой золою воздухом.

То, что стало Спасителем здесь, в Эвиале, не подпадало под власть Ракота. То, чему он привык доверять больше всего – испытанная веками и множеством битв магическая сталь, – оказалось бессильно.

– Хорошо же, – прорычал Ракот, посылая вепря ближе к лестнице. – Драться по-честному ты не хочешь. Поглядим, как выйдет, если нечестно!

Спокойно, Владыка Ночи. Вспомни, как ты обхитрил самого Ялмога в битве у Шести островов, в мире со странным названием Яарцык. Ни ты, ни Хедин никогда ещё не сходились со Спасителем так близко. Какой прекрасный повод узнать наконец, «что у него внутри».

Чёрный зверь преградил Спасителю путь, зависнув над самыми ступенями. Ракот вбросил бесполезный клинок обратно в ножны, прищурившись, взгляделся в смуглое от загара лицо со скорбной складкой меж бровями.

Что же ты такое, Спаситель? Слова о «воплощении людских чаяний» слишком общи. В конце концов, ты разрушаешь миры, ты поглощаешь людские души – во множестве. И при этом подчиняешься каким-то малопонятным пророчествам, записанным в глухой древности теми, кто едва ли сам понимал их смысл.

Заклятья познания у Ракота не принадлежали к излюбленным. Он всегда отдавал предпочтение силе. Многочисленности полков, порождённых великой Тьмой. Исполинским истребительным волнам, «таранам Ракота», какими он сметал возведённые в Межреальности баррикады и бастионы Молодых Богов – тогда, во время второго и самого успешного наступления на Обетованное. Ордам голодных драконов, в конце концов. Он хорошо умел ломить массу массой, крушить барьеры и преграды, умел выигрывать сражения, даже оказавшись в отчаянном положении.

Но что делать с сущностью, подобной Спасителю?

Вепрь тревожно всхрапнул, завертел клыкастой башкой, не выдерживая прямого и строгого взгляда Того, кто шагал сейчас по золотым ступеням.

Ракот застыл с поднятой рукой, впился взглядом в непроницаемо-усталые глаза под набрякшими веками. Как встарь, он поворачивал мир вокруг себя, скручивая магические потоки тугой спиралью, ставя себя в самый центр незримого шторма – некогда с его помощью он мог перетасовывать пласты реальности, мог заставить течь вспять реки, а горы – рассыпаться мелким песком. Сейчас он вспоминал, как впервые вошёл в Великую Тьму, не растерянным, дрожащим и подавленным, но, как сейчас – яростным и готовым к схватке. Исполинская предвечная сущность лежала тогда перед ним, и требовалось прорваться к её сердцу, сдаться, заставить биться в унисон с собственным.

Двое на золотой нити, протянутой от неба до земли; и Ракот вновь чувствовал себя, как перед решающим, третьим штурмом Обетованного – уж теперь-то он не мог проиграть, он дважды являлся сюда, дважды его отбрасывали, третьего поражения не случится, трижды он никогда не проигрывал.

Нет, века зря не проходят. Тебя не берёт моя сталь, Спаситель, может, не возьмёт и магический удар. Но даром эти прогулки тоже не пройдут, даже не надейся, если, конечно, ты способен надеяться.

Что за этими глазами, за мозолистыми руками? Бьётся ли сердце, струится ли кровь по жилам? Или ты только мёрзок, не доступный нашему пониманию?

Как же ты спокоен. Подобного борения взглядов не выдержать даже Яэту, а тебе – хоть бы что. Неживой? Жизнь для тебя – просто свет, который ты собираешь и гасишь в себе?

Кажется, Спаситель что-то почувствовал. Одна бровь поднялась, словно бы иронически. С немалым трудом собранная Ракотом сила потянулась бесчисленными щупами к фигуре в сером хитоне, тшась обнаружить если не содержание, то хотя бы форму.

Воздух начал потрескивать, не видимая доселе зола вспыхивала, словно проживая вторую жизнь, с тем чтобы умереть на сей раз последней и окончательной смертью.

Ракота и Спасителя разделяло всего пять ступенек.

Посох мерно ударял по золоту. Каждый шаг – лишняя строчка в приговоре Эвиалу. Брат Хедина не мучил себя сомнениями, не терзался – а не стоит ли за его нынешним противником какая-то «его собственная правда». Перед ним – лютый и беспощадный враг, ещё более ненавистный из-за того, что с ним нельзя схватиться, как достойно истинного воина. Молодые Боги тоже трусили, не выйдя на поединок, когда он, Ракот, стоял под стенами Обетованного; но они хотя бы боялись, и это было понятно. А тут – конечно, чего страшиться, если никакое оружие не в силах тебя зацепить. Никакое? Совсем-совсем никакое?

Магическая сущность такого масштаба не может не оставлять следов в тонких, нематериальных сферах, в тех слоях Упорядоченного, куда нет хода даже богам. Но туда дотянутся заклатья познания, в коих так силен брат Хедин. Эх, Познавшего Тьму бы сюда – пусть бы просто стоял в любимой позе, скрестив руки на груди и полупрезрительно сощурившись.

Текли мгновения, посох постукивал о золотые ступени – их между Ракотом и Спасителем оставалось всего три, – а мощь, пущенная Ракотом в ход, не находила ничего. Ни формы, ни содержания, ни даже пустоты. Надвигавшегося на Владыку Тьмы просто не существовало, как и золотой лестницы у того под ногами.

Не может быть. Любой враг, даже козлоногие твари Неназываемого, даже сам Неназываемый, ненасытный пожиратель всего и вся, оставались познаваемыми, хотя бы до некоего предела. Здесь же заклатья натывались на дыру, провал во плоти Упорядоченного, квинтэссенцию «отсутствия всего», как выразился бы Хедин.

Две ступени. И прежний взгляд. Не пустой, не мёртвый – но чужой, совершенно и полностью чужой.

Прежний Ракот, Истинный Маг, принадлежавший к Поколению Мерлина, наверное, взъярился б до последней крайности, слепо ринувшись на врага; Ракот нынешний, Бог Равновесия, не пошевелился.

Пустота – это вместилище. Когда-то Познавший Тьму проделал ловкий ход с обрушившейся на Хединсей лавиной Лишённых Тел: даровал голодным и алчным призракам тела, когда они всей ордой мчались на бастионы острова.

Что, если?..

Когда-то Истинным Магам было строго запрещено творение. Только изменение. Беспощадный закон Равновесия многое запрещал и Новым Богам. Они не могли по мановению руки создать из ничего неисчислимые армии.

Но заполнить одну-единственную пустоту, выеденную непонятной болезнью каверну в плоти несчастного мира – закон не запретит?!

Думай, бывший Владыка, думай – как поступил бы сейчас твой названный брат, что бы он решил? Потому что он, Хедин, победил там, где ты проиграл. И, если бы не Познавший Тьму, ты так бы и пребывал развоплощённым, на проклятом Дне Миров. Поэтому тебе надо рассуждать так же, как Хедин, смотреть на Спасителя глазами Хедина и надеяться, что ты решишь задачу так же удачно, как он в своё время, сокрушив многожды сильнейших врагов – магов Поколения, самого Мерлина, а потом и Молодых Богов.

Заклятья Ракота тянулись далеко за пределы Эвиала – сквозь многочисленные про-
рехи в некогда несокрушимой тёмной броне. Сейчас согдится любое, любые подонки, любая
гниль из Межреальности. Ничего лучшего этот вампир, прозванный Спасителем, и не
заслуживает.

Ракот не маскировал своих намерений – когда стоишь лицом к лицу с *таким* против-
ником, это не поможет.

Дать твари перед ним плоть. Превратить ничто в нечто.

Губы Спасителя слегка дрогнули, неуловимый намёк на печальную улыбку. Именно
печальную, отнюдь не глумливую.

Небо над Ракотом вскипело, меняя цвет с чёрного на тёмно-вишнёвый, словно рас-
калённое железо. Из-за пределов Эвиала потекли незримые реки, набирая мощь и разбег,
властно раздвигая закрывавшие мир плиты. И без того приоткрывшийся удел Западной Тьмы
начинали продувать вольные ветра Межреальности, свободнее текла животворная сила, и
под горами – чувствовал Ракот – всё ярче и ярче разгорались Кристаллы магии.

Природа не терпит пустоты. Выболевшую каверну следует заполнить. Не знаю имя
твоей «болезни», Спаситель, но голодную бездну, странствующую от мира к миру меж све-
тилами, так оставлять нельзя. Я даже не лекарь, я – скальпель в руках великого Упорядо-
ченного.

Одна ступень. Стук посоха отдаётся неожиданной болью во всём теле Ракота, и назва-
ный брат Хедина невольно удивляется – он привык терпеть, особенно странствуя в облике
черноволосого варвара-воителя, но эта боль идёт словно из самой сердцевины костей.
Сознание туманится, перед мысленным взором откуда ни возмись появляются картины
далёкого прошлого, молодость Поколения, навек потерянный Джибулистан, и лицо той, кого
он так хорошо и накрепко забыл.

Нет! – беззвучно кричит сам себе Ракот. Ты устоишь, Владыка Тьмы, а ты, Спаситель,
великая пустота, бездна, что хуже Неназываемого, – ты не пройдёшь. Ты требуешь покло-
нения, слёз и покаяний – нам с братом не нужно ничего, кроме чести. Тебе молятся, ползая
на брюхе и покупая за деньги «отпущения грехов», частенько только и исключительно мыс-
ленных – мы не знаем, что это такое, мы судим по делам, мы хотим, чтобы кровь вольно
текла по жилам и те, кому назначено умереть, уходили бы с поднятой головой, как воины,
сделавшие для победы всё и даже больше.

Ты – Спаситель плакс, трусов и слабаков, тех, кто боится взять меч, выпрямиться и
принять бой. Устами твоих адептов ты называешь себя «любовью», служащие тебе толкуют
о милости и снисхождении – так почему ж после вас остаются пустые миры?!

Нет, мы не опустим клинков. Ни я, ни брат.

Ракота душила ярость – но то была высокая и чистая ярость идущего в последний бой.
Лёгкая усмешка на тонких губах Спасителя – посмотрим, сколько ты ещё просмеёшься!

Поперёк золотой лестницы сгущается иссиня-чёрная завеса. Барьер Богов, заклинание,
созданное Ракотом уже после победы над Ямертом и его присными. Свет и ветер, вода и
лёд, пламя и небо – всё отдало по частице сущности, чтобы он, Ракот, в нужное время смог
остановить или хотя б задержать то, что преодолеет любые иные преграды. Пока заклатья,
заполняющие пустулу, ещё не начали работать.

Спаситель приостановился, с лёгким интересом, не отменяющим общей скорби, бегло
взглянул на тёмный занавес, разделивший его и Ракота.

– Ага! – хрипло каркнул брат Хедина. – Проняло-таки, плакальщик!

Спаситель не ответил. Лишь протянул посох, аккуратно, почти бережно коснувшись
преграды сбитым его концом.

– А-а-а-аргх!

Ракот едва удержался на спине летучего вепря. Его отшвырнуло с дороги Спасителя, словно пушинку, словно осенний лист порывом ветра. Земля и небо, всё закружилось перед глазами. Заклятье лопнуло, барьер рассыпался чёрной пылью – а внизу тяжело застонал сам мир, потому что до предела натянутые струны божественных чар хлестнули по нему, точно кнуты.

Не видя – это для бога необязательно, – Ракот всей кожей ощутил вспыхнувшие внизу лесные пожары, вскипевшие реки, устремившиеся вниз с гор лавины и камнепады. Где-то на южных и северных островах оживали давно дремавшие вулканы; Закон Равновесия показывал себя во всей красе.

– Пр-роклатье! – зарычал Ракот, наконец выровняв полёт очумевшего вепря. Барьер исчез, Спаситель спокойно шагал дальше, а заполняющие пустоту заклинания всё никак не начинали работать.

Оставалось только сжать зубы и погнать летучего зверя обратно к золотой лестнице. Он, Ракот, Владыка Мрака, пусть даже и бывший, так просто не сдастся.

Только сейчас он заметил на золотой лестнице две сцепившиеся вместе человеческие фигурки, и это были отнюдь не его рыцари.

* * *

Анэто и Мегана бежали вверх по бесконечным золотым ступеням, каблучки хозяйки Волшебного Двора звонко стучали. Вниз, где остались рыцари в белом, ни маг, ни волшебница старались не смотреть. По-детски взявшись за руки, они оставляли позади ступени десяток за десятком. Что они станут делать, когда столкнутся лицом к лицу со сверкающей фигурой, спускающейся им навстречу, ни он, ни она не думали – сейчас главным было добежать, дотянуть, не сорваться.

И ещё главным оставались соединённые, намертво вцепившиеся друг в друга руки.

– Ничего, – пыхтел Анэто, утирая пот со лба. – Продержимся. Вдвоём-то – и не продержаться! Да мы, если надо, тут с тобою год простоем...

...Они не знали, что поднимаются куда быстрее Ракота. Без всяких летучих зверей, просто прыгая по золотым ступеням, они стремительно настигали Нового Бога.

– Ан, кто это? Что это? – едва вымолвила запыхавшаяся Мегана, останавливаясь и почти повисая на руке мага.

Они перестали обращать внимание на Спасителя, во все глаза глядя на преградившего тому путь могучего воина в роскошной чёрной броне и накинутом на плечи алом плаще. Воин восседал верхом на жуткого вида клыкастом звере, без всяких крыльев, но явно способном летать, потому что между копытами этого вепря и золотом ступеней оставался ещё добрый локоть.

– Не знаю, Мег. Но, кто бы это ни оказался, нам он друг. Смотри, смотри!

Они невольно пригнулись – незримый ветер от могущественного заклатья плеснул прямо в лица. Воин в чёрном и алом резко повёл рукою, словно проводя черту – перед ним вспикела тёмная завеса, словно нож, рассекала золотистый путь Спасителя.

– Внизу-то что творится... – охнул вдруг Анэто, невольно бросив взгляд за край лестницы.

Несмотря на окутывавшую Эвиал злую ночь, с золотых ступеней открывался широкий вид. Мегана, с каплей вампирского яда в крови, видела ещё дальше и чётче.

Земля заходила ходуном, деревья с треском выбрасывало из их гнёзд, растопыренные корни пытались удержаться и лопались. С грохотом валились вековые стволы, людские домики обращало в пыль. Хозяйке Волшебного Двора даже показалось – она видит бегущие фигурки.

Однако ярко освещённые храмы не тронуло. Полосовало холмы и горы, рушились мосты и башни, но твердыни Спасителя не поколебало.

Зачарованные этим зрелищем, Анэто с Меганой пропустили миг, когда Спаситель коснулся посохом тёмной преграды. Они едва удержались на ступенях, отчаянно вцепившись в холодные и гладкие края; а внизу разверзся настоящий хаос.

Что-то незримое, шипящее и свистящее пронеслось от схватившихся врагов, прынуло вниз, разя без разбору лес и поле, реку, озеро и деревню. Словно катились невидимые колёса, оставляя за собой широкие огненные борозды. Вековые дубы ломало, словно щепки, размётывало замки, опрокидывало корабли в гаванях – незримые колёса всё катились, неся смерть и разрушение Эгесту, Мекампу и области Святого Престола. Тьма не стала им преградой, её занавес лопнул во множестве мест, Аркин обращался в руины.

– Они ж тут ничего не оставят! – вырвалось у Меганы. – Вставай, Ан, вставай. – Чародейка вскочила на ноги с нечеловеческой лёгкостью и грацией. Ещё один невольный дар Эфраима.

Маг стиснул зубы и заставил себя оторваться от казавшихся такими надёжными и спасительными ступеней.

Воина в чёрном и алом тоже отбросило далеко в сторону, однако на спине вопреки он удержался, вновь понёсся к сияющей лестнице, наперерез Спасителю – однако дорогу тому уже заступила разъярённая Мегана.

– Стой! – Её голос обрёл неожиданную силу, загредел, разносясь из конца в конец небосвода. – Поворачивай назад! Эвиал – не твой!

Печальный странник в поношенном сером хитоне. Грустные, всепонимающие глаза – иконописцы рисовали Его правильно, а может, Ему заблагорассудилось принять именно такой облик. Но почему же за оболочкой этих глаз она, Мегана, чувствует звериный... нет, вампирий голод?! Да, там крылось ещё много чего, кроме этого голода, но его волшебница ощутила первым.

Родственные души, видно.

Спасибо тебе, Эфраим. Ты дал мне силы *понять*.

– Явился сожрать нас всех? – подбоченилась чародейка. Анэто встал рядом с ней, бледный, но решительный.

– Ты не пройдёшь, сущность, – как мог твёрдо бросил маг.

На Ракота Спаситель надвигался бестрепетно и неостановимо, не утруждая себя даже защитой от назойливой мухи. Однако перед Анэто и Меганой Он приостановился. Выражение Его лица не изменилось – однако он *стоял*, и правая рука медленно поползла вниз по отполированному посоху.

Внизу бушевал хаос, и Анэто вдруг ощутил себя и впрямь защитником всего Эвиала. Полы его плаща наполнил прилетевший снизу свежий ветер; да, он нёс гарь пожаров, крики умиравших в пламени, грохот рушащихся стен и треск ломающихся мачт; но боль Эвиала стала силой чародея.

Анэто не думал, какое заклятье выбрать или как лучше ударить. Атаковало всё его естество, вся его память с первого дня до последнего; всё, сделавшее смышлёного и одарённого эбинского паренька главой Белого Совета и ректором Академии.

Молния. Чистое, неосквернённое пламя, облачный огонь. Она восстанавливает равновесие меж небесами и землёй, возвращая скопившуюся силу.

Спасителя оплела слепяще-белая паутина, гром сотряс золотую лестницу, и её ступени вдруг заходили ходуном, меж ними появились чёрные трещины.

Неистово завизжала Мегана, оскалилась – во рту у неё стремительно удлинились клыки, вытягивались двумя парами белых игл.

Спаситель замер, затем принялся неторопливо срывать с себя яростно трещащие молнии Анэто, что изо всех сил пытались сейчас задушить своего великого врага. Молнии, словно белые змеи, сопротивлялись до последнего, но всё-таки не выдерживали – заскорузлые тёмные пальцы Спасителя рвали их и роняли на празднично сверкающие ступени.

* * *

Люди. Пусть не простые, волшебники, и, по меркам Эвиала – из первых; но пришли, встали на гибельный для себя бой, не испугались и не согнулись.

Продержаться ещё чуть-чуть – должны же сработать его заклинания! Почему не получилось, где он ошибся – неужели Хедин применил бы нечто совершенно иное?!

Ракот яростно гикнул, налетел сбоку – и тут Спаситель впервые удостоил его вниманием. Повёл посохом – уже не лениво и медленно, а быстро, резко, по-боевому – Владыка Тьмы с ходу врезался в незримую преграду, обратившую его вопреки в кровавое месиво, а сам Ракот низринул вниз, навстречу тёмной, озаряемой лишь пожарами земле.

Его слуха достиг тяжкий стон мира – из Эвиала с кровью выдирали его естество. Но Спаситель потратил слишком много на этот удар, и теперь...

Тело в чёрных доспехах глухо ударилось о землю.

* * *

Лёгкость, с какой Спаситель расправился с могущественным противником, ужасала. Великий чародей оказался смят и опрокинут в считанные мгновения.

Что могут сделать они, два человека, два обычных волшебника, не смеющие и помыслить, скажем, о таких полётах?

Шипя, погасла последняя молния. Однако на хитоне Спасителя остались следы гари. Значит, всё-таки наша магия не совсем уж бессильна?!

В дело вступила Мегана – пока Анэто отхаркивался кровью. Отката не было, просто маг отдал слишком много сил.

– Я ведь верила в тебя, – с расстановкой прошипела она прямо в Его лик с гневно сдвинувшимися бровями. – Молилась. Читала и перечитывала священные книги. Пока не поняла, что ты такое на самом деле. – Мегана усмехнулась, выразительно показав длинные, готовые к бою клыки. – Ты мой брат. Мой и Эфраимов. Только очень высоко поднявшийся. Но взамен, чтобы насытиться, тебе нужно куда больше. Я права, верно? И ты шляешься по мирам, выжидая только момента, чтобы вонзить клыки и присосаться. Ну, давай, покажи зубки. Ручаюсь, что у меня и длиннее, и белее.

На лице Спасителя не дрогнул ни один мускул, лишь в глазах медленно разгоралось жёлтое пламя. Однако же он не напал, не ударил – медленно переступая, подходил всё ближе, надвигаясь на преградивших ему дорогу человека и полувампира. Полу – потому что Мегана не умирала. При ней остались и все умения хозяйки Волшебного Двора.

Мегана чувствовала пришедшие в движение силы, напиравшие откуда-то из-за пределов Эвиала, и догадывалась, что, быть может, это работа сгинувшего воина в чёрном и алом. Могущественные заклятья, нацеленные на Спасителя, могущественные... и бесполезные.

Такую пустоту не заполнишь. Тем более что это не просто пустота. И даже не тупо ненасытная утроба обычного хищника.

Тем не менее удар в спину заставил Спасителя пошатнуться, а скорбное лицо потемнело. На миг промелькнуло выражение лёгкой досады, ещё одно отстраняющее движение посохом – и в этот миг Мегана прыгнула.

Одновременно с порывом ветра, бросившего прямо ей в руки горящую сосновую ветку. Обычную ветку из обычного эвиальского леса, сейчас погибавшего в разожжённом иномировыми силами пламени. Время почти остановилось, волшебница успела ощутить аромат смолы и хвоинок, разглядеть чуть слезящийся излом, заметить даже крошечную гусеницу, невесть как угодившую на обречённую ветвь; трепещущее, срывающееся пламя обволокло ладонь чародейки, но не обожгло – та ощутила лишь приятное тепло, словно сам Эвиал, как мог, пытался её поддержать.

И этой пылающей веткой она что было сил хлестнула по глазам ту сущность, что сейчас поворачивалась к ней. Не «человека», не «Спасителя» – безымянную и жуткую Сущность, неведомым капризом вселенских сил заполучившую несказанную, не полагающуюся ей мощь.

Иглы и искры так и посыпались в разные стороны. По-прежнему безмолвный, словно немой, Спаситель дёрнулся и отступил на шаг, выпустил посох, пытаясь оторвать от себя взбешённую чародейку. А Мегана, чувствуя под руками плоть, с яростью вонзила клыки противнику в шею.

Пришёл в себя Анэто и, несмотря на льющуюся из носа кровь, тоже кинулся в схватку. Мелькнул короткий кинжал, вокруг лезвия плясали белые огоньки, словно снежинки. Маг забыл сейчас обо всём, он видел лишь открытый бок врага и знал, что лезвие должно найти цель.

В спины им дохнуло тёплым, словно неслышно подступил исполинский конь, дружелюбно фыркнул; ветка по-прежнему горела в руке Меганы, а та, забыв обо всём, хлестала и хлестала ею, куда придётся, не разжимая челюстей. Языка коснулась холодная, словно у змеи, кровь, волной накатила дурнота; но все четыре клыка новообращённой полувампириши лишь впились ещё глубже.

Спаситель наконец оторвал от себя волшебницу – хитон на плече разодран, из четырёх аккуратных проколов на шее течёт нечеловечески яркая кровь, больше похожая на краску. Лицо оставалось почти спокойным, только уголки губ опустились да хищно сощурились глаза. Кинжал Анэто он отбил мягким, неразличимым движением, от удара в спину маг увернулся каким-то чудом – а то бы лететь ему с золотой лестницы вниз, вслед за воином в чёрных доспехах.

...Они помогли друг другу подняться, Анэто и Мегана, дрожащие, едва удерживаясь на ногах. Казалось, все чувства исчезли, осталась одна лишь боль. Маг лишился кинжала, платье на боках Меганы разорвалось, на лопнувшей, покрасневшей, как от ожога, коже отпечатались ладони Спасителя. А он всё никак не спешил обойти двух отчаянно цепляющихся друг за друга людей, всё чего-то ждал, медлил, как будто Ему отчего-то никак невозможно было оставить их за спиной или сбросить в бездну одним мановением посоха, как он уже поступил с первым противником.

А в руке Меганы так и осталась гореть сосновая ветка, гореть ровным и чистым огнём, пламенем самой природы, порождающей и сжигающей, одинаково доброй ко всем своим детям.

– Что... делать... Мег? – прохрипел Анэто. Маг лихорадочно перебирал в памяти подходящие заклятья – и ничего не мог найти.

Вместо ответа чародейка провела пальцами по обнажившемуся боку – подушечки окрасились алым. Тяжёлая капля сорвалась с длинного и по-вампирии острого ноготка, полетела вниз, коснулась золотой ступени... и сияние погасло, по гладкой, сверкающей поверхности стремительно расплзлось тёмное пятно.

Спаситель бросил быстрый взгляд вниз. И – подхватив посох наперевес, угрожающе надвинулся на мага и волшебницу.

– Заклятья его не остановят... – прошептал Анэто.

– Да. Но я знаю, *что* остановит, – отозвалась Мегана. – Держи меня. Обними крепче. Ещё крепче! Ещё!

– Мы отрекаемся от тебя, – бросила она в лицо врагу. – Возьми наши жизни, изорви в клочья наши души, но Эвиала тебе не видать. За нами придут другие. Те, кто хочет жить, а не каяться, любить, а не подсчитывать грехи, дышать полной грудью, а не готовиться всю жизнь к твоему «справедливому суду». Думаешь, мы не понимаем, почему ты так возишься тут с нами? Тебе недостаточно просто убить нас. Ты сделал бы это легко. Тебе надо нас раздавить, поразить ужасом, чтобы мы содрогнулись от ожидающей нас участи, да? Ну, признайся, мы ведь уже никому не успеем рассказать...

Спаситель оказался совсем рядом, посох нацелился Мегане в сердце. Чародейка со змеиной ловкостью увернулась, Анэто ответил ледяной стрелой, разбившейся о грудь Спасителя, так, что тот слегка пошатнулся и отступил на полшага. Лишь на полшага, но Мегане хватило, чтобы вновь повиснуть у него на плечах, рвя, кусая и терзая ему шею.

И вновь её отбросили; на сей раз Анэто в последний момент поймал волшебницу на самом краю золотой лестницы.

– Кажется, ребро... – простонала Мегана. Дышала она тяжело, с хрипом. – Больно как...

– Держись, Мег, держись. – Анэто подхватил её под мышки, отступил на две ступени. Спаситель надвигался медленно и неотвратно, словно сама смерть.

Бессмысленные слова любимого. Что значит «держаться»? Чем, как, за что?

– Друг за друга, – словно услышал её Анэто. Маг был очень бледен, но кровь по лицу больше не струилась. Мегана ощутила, как чародей собирает силы, плетёт какое-то заклинание, – и уже знала, что это бесполезно.

Пустота вберёт в себя всё. И останется пустотой. Это не банальная яма, которую можно заполнить.

Чёрные пятна, оставшиеся от капель её крови на золотых ступенях.

Магия крови, сила жертвоприношения, чего всегда избегали маги как Ордоса, так и Волшебного Двора и чем не брезговали инквизиторы – знали кошки, чьё мясо съели.

– Ан... не стоит... – взглянула ему в глаза. Как же не хочется уходить... и как хочется верить, что там, за неведомым порогом, они вновь встретятся.

...Он таки ударил, неисправимый упрямец, и вновь Спаситель лишь покачнулся. Жёлтое пламя в его глазах сделалось чуть ярче, он наступал, чуть ли не грудью отталкивая их вниз, словно норовя насладиться их беспомощностью и отчаянием, словно ему было так важно увидеть их сломленными, понявшими, что они – никто и ничто, прах, бессильный что-либо изменить.

...И вновь они прижимались друг к другу, шаг за шагом отступая, глядя в нечеловеческие глаза прикинувшейся человеком силы, шатающиеся, израненные, в изорванной, местами прожжённой одежде. Клыки Меганы втянулись, вампирство, оказывается, тоже требовало сил, а холодная кровь Спасителя – одна видимость – не могла напитать.

...Мегану осенило внезапно, когда уже почти угасла надежда.

– Ступени, – одними губами произнесла Мегана. – Вдвоём. Понимаешь?

– Понимаю. Не боишься?

– Боюсь, – призналась она. – Но с тобой – меньше.

– Видишь, как оно обернулось... прости меня, Мег, если можешь.

– О чём ты? Я счастлива. Драться бок о бок с моим мужчиной и знать, что он не отступит ни перед кем, даже Спасителем?... Ну, так каким заклятьем?

– Может, – Анэто невольно вздрогнул, – прямым крестом? Средство старое и жуткое...

– Нет, не надо. – Мегана облизнула губы. – Только держи меня крепче, Ан, держи крепче!

В жёлтых глазах Спасителя мелькнуло нечто вроде лёгкого беспокойства. Посох взлетел, на сей раз готовый смести дерзких, покончить с нелепым спектаклем раз и навсегда, но...

Мегана выдернула из-за пазухи давно дожидавшуюся своего часа виалу с огневещущей кровью самого Спасителя.

Высоко подняла, издевательски усмехаясь прямо в заполненные жёлтым пламенем очи.

– Ты не можешь без этого, незванный гость. Вот и посмотрим сейчас, есть ли хоть доля правды в твоих священных книгах, или эта «кровь» – всего лишь приправленная магией видимость.

Спаситель замер, впившись в чародейку огнистым взором. Заколебался? Почувствовал неуверенность? В самом деле, от Его имени столько вещалось о претерпленных Им мучках, о Его кровавых слезах, истинных слезах и истинно кровавых – что, быть может, Он не рискнул обратить всё подделкой?

Мегана рывком выдернула пробку, скорее, пока не вмешался вопящий от ужаса рассудок, вскинула скляницу к губам.

Ледяной холод, а вовсе не огонь, чего она ожидала. Ледяной холод и великая сила, растекающаяся по телу. Этой плоти оставалось жить считанные мгновения, ничто тварное не выдержит «частицы Спасителя».

– Выходит, не врал ты...

Соединялось несоединимое. Человеческая кровь, живая и тёплая, солёная, как породившее жизнь море, – с иноматериальной, состоящей лишь из магии, «кровью Спасителя». Людское и явившееся извне – они схватились в ещё одной битве, из бесконечного ряда бесчисленных сражений, что идут в Упорядоченном с того самого момента, как пробудилось сознание первых людей, а другие сущности поняли, какой лакомой добычей может сделаться исторгнутая из тела душа.

Анэто почти вырвал виалу у Мег, залпом опрокинул в себя остатки алой крови. Им оставалось последнее.

– Эсперо! – в два голоса выкрикнули Анэто и Мегана.

Эсперо. Древние чары, занесённые во все магические книги под рубрикой «запретное». Слово, сочетающееся с жестом и мыслью, подкреплённое верой и решимостью, настоящей, непреклонной.

– А-аххх... – горестно выдохнул им в спины невидимый старый конь – Эвиал.

Его тёплое дыхание коснулось их спин, мягко обволакивая раны, словно лучшее целебное снадобье. Оно не могло утишить боль или уменьшить страдание, оно лишь показывало – я с вами, дорогие мои дети. До самого конца, так что ваша мучка – и моя тоже.

Стремительные огненные змейки помчались от сердца по жилам, проникая в самые мелкие их ответвления, и кровь становилась пламенем, таким же чистым, как и две души, его породившие. Сгорал ядовитый лёд Спасителя, сгорали их «грехи», подлинные и мнимые, оставалось лишь одно – Эвиал и то, что они умирают за него и других, деливших с ними одно небо, одно море и один воздух.

Жилы раскрывались, выпуская пламя на свободу. Ещё в самых древних алхимических трактатах утверждалось о могуществе «соединённого несоединимого»; именно это сейчас и разрывало на части два простых человеческих тела, завершивших свой путь и исполнивших долг.

Анэто и Мегана ещё держались на ногах, но поток крови уже вырвался из их тел, хлынул, окатив Спасителя с ног до головы, и его отполированный посох тотчас вспыхнул.

– Проклинаю... – ещё успела произнести Мегана.

Золотые ступени стремительно чернели, так же, как и хитон Спасителя. Угасало сияние, поверхность покрывалась дырами, словно тут работала целая армия грызунов. Лестница начала разваливаться, рассыпаться тёмной пылью, и Спасителю пришлось подняться сперва на одну ступень, потом – ещё и ещё. Куда стремительнее таяла та часть золотого пути, что вела к Аркину; мощь самого Спасителя останавливала заклинание у него под ногами. Но впереди золото обращалось в прах, и проложенная Им для самого себя дорога погибала.

– Ан... – простионала Мегана. Боль уже почти погасила зрение. Но прежде чем двое обнявшихся любовников рухнули в разверзшуюся пропасть, они увидели, как стремительно исчезают золотые ступени за их спинами. Пути для Спасителя больше не существовало, и сам он пылся, а с плеч у него лоскутьями сваливался стореvвший хитон; а в глазах, показалось Мегане, во вновь ставших почти человеческими глазах мелькнуло нечто... нечто человеческое же. Хозяйке Волшебного Двора очень хотелось бы верить, что это «человеческое» – есть хотя бы страх, если уж не настоящий ужас.

...Маг и волшебница низринулись вниз, не разжимая рук. Их веки смежились, на губах замерла счастливая улыбка. Им удалось, поверили они.

Следом, кружась и медленно угасая, падала та самая сосновая ветвь.

Эвиал принял их в тёмную длань уцелевшего леса, схоронил изломанные, потерявшие человеческий вид тела, и там, где маг и волшебница коснулись лохматой сырой земли, из-под камней в тот же миг ударили два родника, чьи воды, бурля и пузырясь, слились в небольшой, но упрямый ручеёк.

А горящая ветка коснулась земли, и пламя тотчас угасло. Вода из двух смешавшихся ключей омыла её, и чернота стала исчезать, как по волшебству; ещё миг – и ветка пустила корни, выбросила вверх первый побег.

Если устоит сам Эвиал, то укорениться и этой сосне, стать праматерью славного племени. А если нет – то сгинуть, молча и гордо, до последнего удерживая корнями рассыпающуюся землю.

* * *

Ракот со стоном приподнялся на локте. Хорошо быть богом, невольно подумал он. Мне – хорошо, а тем двоим...

Брат Хедина видел всё, до последнего мгновения. Перед ним, в десятке шагов, из-под камней выбивались два ключа, окружённые чистыми камнями. Ни крови, ни костей, ни останков – кровь Анэто и Мегана отдали всю, а всё прочее вобрала в себя милосердная земля.

– Да будет так, – сумрачно проговорил Владыка Тьмы. – Пусть эти ключи текут здесь вечно, что бы ни случилось. Разольётся ли новое море или воздвигнутся горы – вы не иссякнете, и магия ваша не истончится. Путник найдёт тут покой и отдохновение, и вас будут помнить по именам очень, очень долго – уж об этом я позабочусь.

Он поднял голову – золотая лестница таяла, её нижней части не существовало, и Спасителю пришлось отступить далеко назад; но сейчас Он уже вновь стоял крепко, прочно и больше пятиться не собирался. Ему отрезали одну дорогу, его собственную; но кто сказал, что такая сущность не отыщет обходных путей?

Ракот больше не тратил времени, просто воспарил над истерзанным лесом, в самом сердце которого появился островок тишины и покоя – вокруг двух новых источников.

Новый Бог, названный брат Хедина, не мог ни повернуть назад, ни отступить. Двое пожертвовали собой, чтобы жил их мир, их Эвиал, – так как же мог Владыка Тьмы дать их крови пропасть втуне?

...Спаситель выглядел неважно. Посох его обуглился, хитон превратился в лохмотья, едва прикрывавшие наготу, по груди и рукам расплзлись пятна обширных ожогов, борода

и усы сгорели, скорбный лик мудрого и всепрощающего божества обернулся свирепой и кровожадной маской. Почти выжгло один глаз, второй смотрел мутно и куда-то в сторону.

– Потрепало тебя, – с насмешливой яростью бросил Ракот. – Что, не нравится, когда против тебя люди выходят? Настоящие люди, с горячей кровью, готовые умирать, чтобы жили другие? По морде твоей вижу, что не нравится. Ну, ничего, теперь и я ещё постараюсь добавить. Видишь, от меня ведь не так просто избавиться.

Спаситель по-прежнему не отвечал. Но на Ракота смотрел уже совсем по-другому.

Чёрные доспехи Ракота покрывали грязь и вмятины, на рассечённом лбу запеклась кровь; однако отступать он и не думал.

Зов брата, Хедина, Познавшего Тьму, настиг его на самой середине заклатья. Зов, пробивающийся сквозь все преграды и барьеры, попирающий сам Закон Равновесия, зов, не откликнуться на который Ракот не мог.

– Ко мне, брат, ко мне!

Ракот знал, куда означало это «ко мне». Видел остров в далёком океане, услышал его название – Утонувший Краб. И понял, что надо спешить, так спешить, как никогда в жизни.

– Ну что, Спаситель, последуешь за мной? Негоже прекращать такой славный поединок! А меня зовёт мой брат, и я не могу остаться. Идёшь ли ты? Или...

Спаситель безмолвно склонил голову. Сквозь запекшуюся кровь в глазнице пробивалось яростное жёлтое пламя.

Внизу мирно бурлили два ключа, их воды, сливаясь, омывали корни молодой сосенки.

И, словно очнувшись от спячки, принялся поспешно светлеть восточный горизонт. Казавшаяся бесконечной ночь кончилась.

Глава двенадцатая

– Утонувший Краб, мой добрый Динтра. Всё, как просили. – Архимаг Игнациус шутовски-преувеличенно поклонился старому целителю. Читающий, вновь принявший свой обычный облик – размытой тени, – молча плыл за ними следом.

Торная дорога кончилась. А ведь такое только я в Долине и могу, не без самодовольства подумал Игнациус. Открывать тонкие пути в любом мире, в любое место, по одной лишь допотопной карте... они – не сдюжили бы, все эти молодые заносчивые глупцы в чёрной коже с серебряными заклёпками или что там у них сейчас в моде.

Двое магов и их диковинный спутник стояли на краю прибрежного пляжа, в полосе густой растительности. Дюны покрывал высокий шелестящий кустарник, неведомо как ухитрявшийся расти на голом песке, корни вонзались в желтовато-белые волны, словно змеи в добычу. Жёсткие и кожистые листья, наверное, способны были удерживать влагу на случай продолжительных засух, колючки... гм, спишем на издержки здешней эволюции.

– Утонувший Краб, – повторил Игнациус, искоса наблюдая за толстым лекарем. – Мы на месте, милейший друг мой. Куда вам было б желательно попасть теперь?

Динтра шутивого тона не принял.

– В глубь острова, где можно увидеть хоть что-нибудь кроме пляжа да кустов. – В его голосе прорезалось раздражение.

– Может, сперва попросим вашего спутника поведать, нет ли каких-либо насторожённых заклятий, уловлять таких вот незваных гостей, как мы?

Динтра ничего не ответил, просто повернулся к своему призрачному приятелю. Некоторое время длился беззвучный диалог, после чего целитель заговорил вновь:

– Заклятья есть. Сторожевые, дозорные, обездвиживающие. Всё, что угодно. Здесь нет часовых, тут уповают на магию.

– Ничего лучше и пожелать нельзя, – потёр руки Игнациус. – Не в моём, да и не в вашем, уважаемый Динтра, возрасте горными козлами сказать по рвам, эскарпам, горжам и бастионам.

– Не в нашем, – коротко кивнул лекарь. – Будем осторожно снимать?

– Снимать? – демонстративно поморщился Игнациус. – О чём вы, любезный друг? Я просто открою ещё одни ворота. Конечно, малые расстояния по тонким путям пройти куда труднее, чем большие, но я уж постараюсь. Скажите мне лучше, как далеко от берега тянется пояс охранной магии?

– Пол-лиги, – после недолгого и беззвучного совещания с Читающим.

– Молодцы, – недовольно буркнул Игнациус. – Пол-лиги! Случилось мне однажды прогуливаться возле одной приморской крепости, так её хозяйева, как сейчас помню, протянули сети аж на полста лиг в океан! А на берегу – так до самых стен и даже дальше. Правда, им это всё равно не помогло, крепость я тогда взял...

– Кто бы сомневался, мессир, – не без ехидства заметил Динтра.

– Вы-то не сомневаетесь, друг мой, а вот молодёжи всё сам покажи, Расскажи да дай попробовать. Упадок нравов, что ни говори! – Игнациус с наигранным отчаянием воздел руки.

Сколько ещё мне придётся тянуть этот мерзкий спектакль?! Когда я наконец вскрою этого лекаришку от паха до подбородка, когда пойму, кто он такой и кому служит?!. Стоп, сударь мой Архимаг, стоп. Ты добился всего, чего добился, только и исключительно потому, что знал, когда следует терять терпение. Сейчас ещё не время.

– Тут совсем недалеко – скалы, – ещё молча посоветовавшись с Читающим, объявил Динтра. – Если перебираться, то уж сразу за них.

– Нет ничего проще, – расшаркался Игнациус. – И всё-таки, любезный друг, что такого ужасного вы нашли на этом островке? Место как место, ничего особенного. Да, некие маги тут укрепились. Но вас ли этим удивит?

– Думаю, меня уже ничем не удивит, вы правы, мессир. А ужасное на Утонувшем Крабе не здесь. Дальше, за скалами и, как водится, под землёй.

– Очень мило. А какой-нибудь порт здесь есть? Город?..

– Гостиница с миленькими служаночками? – усмехнувшись, закончил Динтра.

– Что-то вы последнее время уж больно колючи, друг мой. Да, я люблю миленьких служаночек, этих простых девушек из народа. Я уже немолод, любезный Динтра, и холодные постели нахожу весьма бесполезными для своего здоровья. А оно мне, видите ли, дорого, как я уже имел честь не раз объяснять. Ладно, желаете за скалы – открою дорогу туда. Постараюсь найти место позакрытее, навряд ли этого...

...И почему принято считать, что собой гордиться – это нехорошо? Заклятье легло идеально, стежок к стежку, линия к линии. Перенос – почти без эха, если кто и следит за тем, что творится не на побережье, а сразу за скалами, то останется с носом.

– Посмотрим, посмотрим, что тут за очередная «цитадель зла», – приговаривал Игнациус, осторожно раздвигая ветви, – они вновь очутились в самом сердце зарослей. На удивление безмолвных и безжизненных, словно и не было тут ни птиц, ни мелких зверюшек, ни даже насекомых. Никто не вспархивал из-под ног, никто не удирал без оглядки и никто не копошился в траве.

Мессира Архимага, впрочем, это не волновало. Зверьё отлично чувствует скопление силы и, как правило, стремится убраться подальше. В том числе и оттого, что понимает – такое сокровище рано или поздно отыщут двуногие, и тогда жди беды. Разорят гнёзда, разроют норы, выкурят из логовищ, детёнышей отправят на мелкие алтари, взрослых просто перебьют.

Он уже почти не сомневался, что именно откроется за полосой зарослей. Игнациус привык доверять чутью мага куда больше, чем простому человеческому зрению; но сейчас, стоя в полушаге от величайшей своей победы, так хотелось... наверное, лишний раз убедиться. Посмаковать.

Чародей осторожно отвлёк от лица колючую и жёсткую ветвь, словно распахивая окно – в мир, созданный по его правилам.

Остров со странным названием Утонувший Краб, по меркам Эвиала, считался немалым: три дня пути с севера на юг, два – с востока на запад. Окружённый сплошным кольцом отвесных скал, выставивших зубы сразу за прибрежными дюнами и неширокой полоской леса. А вот за скалами...

Молодцы, нечего сказать, подумал Игнациус, оглядывая открывшуюся ему картину. Славно потрудились. Со времён моего последнего визита многое изменилось. Великая работа закончена. И уже не один год как приносит полновесные плоды.

От чародея с трёхтысячелетним опытом нет смысла прятать могущественные магические артефакты или скопленные огромные запасы мощи – они сами позовут его, сами выберут достойного ими распоряжаться. Немногие чародеи доживают до понимания сего несложного правила и оттого столько времени и сил тратят на сокрытие плодов своего труда – напрасные попытки, когда имеешь дело с ним, Игнациусом. Что-то мелкое от него спрятать, конечно, можно, в конце концов, он не всесилен. Но нечто по-настоящему крупное – никогда.

– Кажется, многое проясняется, не так ли, дорогой друг? – невозмутимо осведомился Игнациус у молчаливого и насупленного Динтры.

– Да, мессир, – помедлив, отозвался тот. – Многое проясняется. Не скажу, что всё, но и впрямь многое.

– Тогда командуйте, любезный мой целитель. – Игнациус развёл руками. – Вы стремились сюда. Мы на месте. Что дальше?

– А разве вы не знаете, мессир?

– Я-то? Простите, мой дорогой, но это ваша идея. Вам и решать. Хотя на вашем бы месте я воздержался от любых... необратимых поступков. Слишком хрупок баланс этого места. Если мы ударим, скорлупа Эвиала может не выдержать, скованное и пленённое здесь вырвется на свободу. А это, как вы понимаете, – бедствия, поистине неопишуемые, не для одного мира, но для сотни, если не тысячи.

Динтра не ответил, и Игнациуса вдруг кольнуло внезапное беспокойство – целителю полагалось сейчас яриться, размахивать короткими ручками и требовать положить *этому* конец, положить немедленно и сейчас же, а он лишь молчал да, прищурившись, обозревал им открывшееся.

– Совершенно необязательно лупить по «скорлупе», как выразились вы, мессир, со всей силы кузнечным молотом.

– Динтра, не стоит тягаться со мной в многомудрых отвлечённых фразах, лекции нашим дорогим студиязам я читаю куда дольше вашего, – раздражённо бросил Игнациус. – Скажите чётко и ясно, что вы от меня хотите? Сжечь это место? Затопить? Устроить извержение вулкана?

– Ну вот, мессир, а говорите – не надо отвлечённых фраз. Всё, вами предложенное, – это ж и есть тот самый молот. И вы это прекрасно понимаете.

– Всё, я умываю руки. – Раздражение Игнациуса сделалось непритворным. Ну, или почти непритворным. – Делайте что хотите, Динтра. А я посмотрю.

– В таком случае, мессир, позвольте покорнейше просить вас сопроводить меня к во-он тем скалам, примерно в паре лиг от нас к югу. Нет-нет, пойдём пешком, никаких больше перемещений тонкими путями. Здесь нас уже почуют, несмотря на всё ваше искусство и скрытность.

– Вон к тем скалам... – проворчал Игнациус, плотнее запахивая плащ, чтобы поменьше цеплялся за колючки. – Вам, Динтра, разумеется, требуются не скалы, а то маленькое строение, что перед ними? И вход, так напоминающий устье катакомб?

– Вы, мессир, сегодня сама проникательность.

Игнациус сдержал гнев. Пусть говорит. Я уже заставил его действовать. Ясно как день – Динтра вполне представляет, с чем мы здесь столкнулись. Или бывал здесь сам... или кто-то ему рассказал. И вот этот *кто-то* меня чрезвычайно интересует.

Пришлось тащиться, пробираясь сквозь ошетинившуюся острыми шипами чащу, вдоль самых скал. Игнациус не сомневался, что каждое дерево и каждый куст здесь – самые настоящие мастера по втыканию игл в живую добычу: мессир Архимаг постоянно ойкал, шипел и дёргался, то и дело натываясь на очень некстати подворачивающиеся ветки.

Ну ничего, вы и за это мне тоже ответите, мысленно посулил он. Когда надобность в вас отпадёт – ох, и устрою ж я тут фейерверк! Пусть даже для единственного зрителя – самого себя.

Понятно, почему Динтра даже не смотрит вправо. И не говорит. Лекаришке, пусть и пошедшему на службу к кому-то очень могущественному, с лежащим там не справиться. Вот и делает вид, что игнорирует, – что ему ещё остаётся? И понятно, отчего его заинтересовали те дальние скалы, – даже отсюда хорошо видна чёрная дыра входа в подземелье, вблизи, наверное, это покажется и вовсе грандиозным. А он, Игнациус, ощущает и слабые магические вибрации, доносящиеся оттуда, и, похоже, уже знает, с чем это связано. И с чем, и с кем.

А пока что приходится пробираться колючими зарослями, оставляя на шипах обрывки плаща.

* * *

– Утонувший Краб, кирия Клара. – Капитан орков не обернулся, пристально глядя на поднимавшиеся из воды скалы. Воды вокруг проклятого острова были пустынные, «длинные» не встретили ни единой чёрно-зелёной галеры. Исчезли, однако, и морские птицы, на побережье даже не оказалось чаек.

Клара Хюммель молча кивнула. Она почти висела над кипящей под носом драккара волной, обхватив резную шею морского страшилища, и до рези в глазах вглядывалась в смутные очертания неведомой земли.

Это здесь, говорило всё естество боевого мага. Это здесь, подсказывал богатый опыт. Чёрная завеса, разделившая мир, – ключи к ней спрятаны именно здесь, за кольцом невысоких скал.

Странно – ни стражи, ни охранных флотилий, словно хозяевам острова было совершенно всё равно, кто шастает по омывающим его водам. Где боевые башни, где дозорные галеры? Где укреплённые порты? Остров немал, но пустынен и не прокормит много ртов, сюда должны вереницей тащиться пузатые купеческие каравеллы – а корабли Уртханга не встретили ни одной. За скалами тоже ничего не видно, хотя драккары, пренебрегая осторожностью, подошли почти к самому берегу.

Сторожевые и охранные заклинания? Быть может. Однако лишь на магию опирается только глупец – Кларе уже приходилось сталкиваться с такими, под другими солнцами и в других мирах.

– Где станем высаживаться, кирия?

Ночь никак не окончится, спокойное и пустынное море, с «длинных» виден пляж с неспешным прибоем... Идиллия. Разумеется, это обман. В лесу за полосой дюн наверняка скрыта засада, скалы таят в себе замаскированные гнёзда мощных катапульта и баллист, и хорошо, если только их.

– Тебе совсем необязательно следовать за мной, капитан, – вдруг бросила Клара, подавшись внезапному порыву. Слишком уж мирен этот берег, слишком спокоен. Слишком смахивает на западню. А что смогут сделать храбрые, но простые орки против настоящего чародейства? – Я бы отправилась с моим отрядом, право слово. Это не урон вашей чести! – поспешно добавила она, видя, как набычился предводитель вольной дружины. – Это...

– Это трусость! – рявкнул Уртханг. – Мы – орки, и мы пойдём до конца. Ты думаешь, кирия, мы не чуем того зла, что за скалами? Чуем, и ещё как! Вся грязь, вся накипь, все подонки Эвиала – там, впереди. Их сюда стягивали специально, невесть сколько годков – а ты говоришь нам «оставайтесь на палубах»?! Ни один из моих тебя не послушает, и прав будет. Такой бой один раз в жизни выпадает, и даже кто голову сложит – падёт с великой славой, песни о нём петть станут, баллады слагать! А ты говоришь – «необязательно следовать». Нет уж, мы последуем. Вот только бы где проход в этих утёсах отыскать... – добавил он уже задумчиво, не гневно.

– Обходить остров, что тут ещё поделаешь, – подал голос кормчий Дарграт.

– Не надо ничего обходить. Я сама всё сделаю, – вызвалась вдруг Тави. – Путь найти – этому у Вольных учили круто. Да и наставник мой тоже руку приложил.

Клара промолчала. Конечно, можно проделать это самой, но зачем лишать мельнику удовольствия быть нужной?

...Проход в скалах отыскался, и даже не слишком далеко – на самой северной оконечности острова. «Длинные», не таясь, скользили по спокойному морю, и Дарграт даже стал ворчать – «нам бы сейчас хоть завалящего туману...»

– Туман я соберу, – пообещала Клара.

Заклятье она плела очень осторожно, упрятывая его, насколько возможно, – пусть на Утонувшем Крабе поломают головы, естественным путём появилась здесь мгла над волнами или нет. А пока станут ломать, мы окажемся уже у цели.

...– Башня! Башня! – вдруг зашептались орки, и Клара приподнялась с покрытой плащом скамьи. Ей казалось – она едва преклонила голову, а флотилия, оказывается, уже на месте.

Впереди, на чуть выдавшемся вперёд мысу, и впрямь возвышалась башня, белая, словно выпиленная из огромного куска сахара. Увенчанная короной из пяти острых рогов, она не имела ни одного окна или бойницы – во всяком случае, никто из наблюдателей, проглядев все глаза, так ничего и не заметил. За мысом лежала узкая и вытянутая к югу бухта; стены скал размыкались, пропуская морской язык в глубь загадочного острова.

Однако и тут драккары не встретили ни одного чужого судна. Громада башни немозастыла, прочертив чёрное небо, отразившись в спокойных водах океана; ни флагов над ней, ни выпелов. Между зубцами на самой верхотуре тоже никого.

– Вымерли они тут все, что ли? – сквозь зубы пробормотал Уртханг.

– Башня пуста, – заметил Бельт, пристально поглядев на исполинское строение. – Не знаю, есть ли на ней какие чары, но никого живого тут нет.

– А неживого? – Клара припомнила жутких воинов Империи Клешной.

– Неживого тоже, – проговорил Кицум. Клоун казался донельзя озабоченным, хмурил лоб, смотрел то на небо, то на волны; Утонувшего Краба и белой башни он словно бы и не замечал. – И не могу сказать, что мне это нравится.

– Но, господин, – почтительно поклонился Бельт. – Разве не можете вы сказать, куда и почему исчезли...

– Не могу! – резко и зло оборвал старого некроманта Кицум. – Если б ты знал, Бельт, как я сам от этого устал, – добавил он немного погодя, уже существенно мягче. – Знать – и не иметь возможности поделиться. Чувствовать, как подступает удушающий барьер, за которым – горящие миры, прорывы козлоногих и иные, неведомые никому бедствия. Если б ты знал, как я хочу выдернуть свою петельку, лихо присвистнуть и пойти сносить головы, как прежде!.. Я с наслаждением вспоминаю, как мы дрались с Сильвией. Потому что тогда мне на шею ещё не накинули удавку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.